

Альберт
Байкалов

**Война
совести**

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

КРЕСТОПОВАЛ

Крестоповал

Альберт Байкалов

Война совести

«ЭКСМО»

2012

Байкалов А. Ю.

Война совести / А. Ю. Байкалов — «Эксмо»,
2012 — (Крестоповал)

Никита Лукич, потомок эмигрировавших в США старообрядцев, возвращается на историческую родину, чтобы отыскать спрятанные в семнадцатом году сокровища и передать их государству. В московском аэропорту доверчивый пассажир становится жертвой грабителей – у него похищают багаж, а вместе с ним и карту клада. Воры понимают, что у них в руках ценнейший артефакт, садятся в поезд и мчатся на поиски... Волею случая в этом же поезде едет в отпуск бывший офицер спецназа ГРУ Матвей Кораблев со своей девушкой Мартой Сомовой. Они случайно подслушивают разговор бандитов и решают отложить отдых...

© Байкалов А. Ю., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Альберт Байкалов

Крестоповал. Война совести

Пролог

– Mack, see what a strange man! (*Мак, смотри, какой странный мужчина!*) – показала перепачканным кетчупом пальчиком из окошка припаркованного у обочины «Понтиака» рыжеволосая девушка.

– He is Russian, there are a lot of them in our town (*Это русский, их в этом городке много*), – придерживая бумажную тарелку с картошкой фри на уровне подбородка, сказал со знанием дела сидевший за рулем Мак, глядя на высокого мужчину с рыжими усами и бородой, которая закрывала третью пуговицу рубахи в синюю клетку. Взгляд из-под косматых бровей казался свирепым. Всем своим видом он вызывал какой-то трепет. Даже на расстоянии чувствовалась его первобытная сила. Закатав рукава, мужчина возился под капотом уже не нового джипа во дворе скромного одноэтажного дома, рядом с которым влюбленная парочка остановилась перекусить. Соломенная шляпа с широкими полями, какие носят ковбои с совсем уж далеких пастбищ, мешала ему работать, и он смахнул ее с головы. Теперь она болталась на тесемках за спиной.

– Oh! Russian! (*О! Русский!*) – Глаза девушки округлились. – What are they doing? (*Что они здесь делают?*)

– These people fled from Russia when Marx has come to power... He is a friend of Stalin. Do you know such a tyrant? He is such a Hitler... (*Эти люди бежали из России, когда там пришел к власти Маркс... Это друг Сталина, знаешь такого тирана? Он как Гитлер...*)

– I know neither Stalin nor Hitler. I know only Putin. Let us go from here. They probably, keep bears... (*Не знаю я ни Сталина, ни Гитлера, только Путина. Поехали отсюда. В этом доме, наверное, держат медведей...*)

Никита Лукич проводил взглядом сорвавшийся с места красный «Понтиак», который некоторое время стоял за забором из сетки, сунул щуп в отверстие картера двигателя, осторожно вынул его, придерживая снизу тряпкой, и посмотрел на свет. Масла было почти норма. Хороший двигатель у «Ниссана». Машине больше десяти лет, а хоть бы хны. Знай, подливай и следи за тем, чтобы до нормы все было, и не гоняй. На всю жизнь бы хватило. Ан нет, придется скоро расстаться. Уезжает Никита Лукич на свою историческую родину, которой не то что он – отец его не видел. Оставили их далекие предки край родной по причине смуты еще в двадцатом году прошлого века и бежали в китайский Синьцзян, откуда перебрались в Романовку, образованную старообрядцами. Огромное по тем временам поселение. Однако и там не задержались. Пришедшие в сорок девятом году к власти коммунисты предложили покинуть страну. Отец Никиты родился уже в Гонконге, из которого при помощи ООН его родители переехали и осели в США. Долго мыкались по миру.

Со вчерашнего дня Никита проехал не одну сотню миль по жаре и прериям. Сначала отвез из Медфорда в Портленд семью и вещи. Потом вернулся в Сейлейм, чтобы попрощаться и получить благословение от старейшего жителя русской православной старообрядческой общины деда Елизара. Однако старик уже долго хворает и, по всей видимости, больше уже не поднимется. Взял-таки возраст свое, и предстанет в скором времени праведный старец пред Богом.

Стукнула входная дверь. Никита Лукич обернулся.

На крыльцо ранчо выскочили две белокурые девочки-погодки – Акулина и Вера. По-взрослому сосредоточенные, они сбежали по ступенькам и устремились напрямиком к джипу Никиты Лукича:

– Uncle, uncle, the grandpa is calling you. He wants to say goodbye! (*Дядя, дядя, дедушка зовет, прощаться хочет!*)

– Слышу, не глухой! – Он грустно улыбнулся, присел на корточки и вытянул навстречу малышам руки. Оказавшись в его объятиях, они вдруг присмирели и замолчали.

– Почему на басурманском языке говорите? – строго нахмурил брови Никита.

– Деда кличет! – выдохнула Акулина на русском языке.

– Вот это уже по-нашему! – повеселел он, потрепал девчужку по голове и встал. – Кличет, так ведите!

– Пойдем! – Вера обхватила его ручищу своими ручонками и потянула к дому.

Увлекаемый племянницами, Никита поднялся по деревянным ступенькам просторного крыльца и оказался в горнице. Несмотря на то что дед Елизар тоже не помнил родины, а все его детство и отрочество прошли в далекой Маньчжурии, дом строил по сложившемуся на Руси укладу. Правда, не было здесь печи. Ни к чему она. Климат и так жаркий. Зимы почти нет. А хлеб пекли на улице в небольшой пекарне сразу на всю общину. В магазинах не покупали. Не здоровая она, мирская пища. К тому же басурманская...

Никита прошел в двустворчатые двери и оказался в крохотной спальне с бревенчатыми неоштукатуренными стенами. Здесь, на деревянной кровати, лежал под почерневшими образами дед Елизар. Седая борода, белоснежное исподнее и подушка делали испещренную глубокими трещинами морщин кожу на лице почти черной. Рот приоткрыт, словно жажда мучит, но взор ясный. Руки вытянуты поверх одеяла.

– Пришел Никитка! – Дед не глядел на двери, но словно видел его. – Оставьте нас!

Поп местной старообрядческой церкви и старшая дочь Елизара, Авдотья, словно тени, несомые легким дуновением ветерка, вышли прочь.

– Поди сюда, Никитка, – слабым голосом велел старик.

Никита подошел ближе.

– Уезжаешь? – с затаенной тоской спросил дед и выжидающе уставился на внука.

– Уезжаю, – кивнул Никита. – Благословите...

– Благословлю, – успокоил он его. – Не торопись. Поди ближе. – Дед поднял сухонькую руку и сделал знак.

Никита подошел к кровати вплотную.

– Скоро на землю родную ступишь, – с придыханием сказал дед Елизар. – Поклонишься за меня истокам нашим.

– Поклонюсь, деда, – заверил Никита.

– А мне, видать, не суждено. – В глазах старика появилась такая тоска, что у Никиты защемило сердце. Он отвел взгляд в сторону. – Но не только поклониться ты должен... Еще одно дело сделать нужно. – Старик заговорил тише и быстрее, словно боясь, что не успеет досказать, торопливо хватая воздух, будто он вдруг начал нагреваться и обжигать ему язык и губы. – И не должен ты успокоиться, пока не выполнишь обязанность эту...

Старик вдруг, словно поперхнувшись, замолчал, глядя в потолок.

– Какое дело, деда? – Никита слегка наклонился, потому как показалось ему, что продолжает говорить старик едва слышно.

– Эта история случилась еще в семнадцатом. Красные царя скинули... Наш скит на отшибе был, но и туда докатилась смута. Знаешь ты все, – протянул он. – Брат на брата, сын на отца... Пришли как-то белые, хлеб, запасы какие забрали, скотину угнали. У отца мово конь справный был, Алтыном звали. Увели... – Старик выдержал паузу, словно сам был свидетелем тех событий, и продолжил уже громче: – А летом вернулся Алтын. Да не один, а в телегу запря-

женный. На телеге служивый. Беляк... И мешок с добром разным. При нем опись. Оклады, червонцы золотые царские, украшения... Много рублей бумажных и ассигнаций. Они тогда не в цене были. – Старик со свистом перевел дыхание. – Беляк, что приехал, раненым оказался и плох совсем. В беспамятстве не помнил, сколько в пути был. Говорит, разгромили банду, которая много лет на сибирском тракте и в окрестных городах орудовала. Описали ценности, а как к станции ехать, на красный дозор нарвались. К тому времени смута до Томска докатилась... Всех перебили, а подвода одна, в которую коняка наш, Алтын, запряжен был, отбилась и дорогу домой нашла. Так и возвратилась... Солдатик тот помер, а ценности, что с ним были, прадед твой в тайге схоронил. Место отметил и обещал вернуть царю-батюшке, когда в России спокойно все станет. Не суждено было. Самим пришлось бежать. Карту он нарисовал, а потом жена евонная Палагея, мать моя и прабабка тебе, на рушнике ее вышила. Только там часть пути до клада. Вторая... – Старик согнул в локте руку и уронил ладонь рядом с головой на подушку: – Тута...

Никита сунул руку и вынул небольшой, размером с ладонь, образ с соловецкими чудотворцами Зосимой и Савватием.

– В задней стенке клин, – зашептал старик. – Его вынь, под ним вторая часть карты... А рушник ентот на образах...

Никита поднял взгляд на иконостас:

– И что от меня теперь треба?

– Разве не понял? – расстроился старик. – Время подошло... России это добро вернуть надо, как обещали...

Глава 1

Матвей надел на руки боксерские лапы и поднял на уровень плеч.

– Давай «двочку»!

Дешин стал сосредоточенно бить. Матвей сделал шаг назад и убрал правую руку перед летящим в лапу кулаком, провалив полицейского.

Пытаясь удержать равновесие, Дешин сделал шаг больше положенного, едва не рухнув на пол. В следующий момент Матвей обозначил удар рукой в голову, слегка тронув его надетой на левую руку лапой в висок.

– Стоп!

– Опять! – Дешин от досады уже рычал. Ну, не выходит у него «двочка» так, чтобы не пропустить контрудары. Со стороны кажется, нет ничего проще, ударил слегка левой, потом двинул правой. Не тут-то было. То подбородок откроет, то провалится...

– Удар левой с шагом одноименной ноги, – терпеливо повторил Матвей. – Инерция тела на руку... Она постоянно в работе. Ты не даешь противнику сосредоточиться, держишь дистанцию. Когда ты ей бьешь, корпус непроизвольно разворачивается уже для более мощного удара правой. Кулаки возвращаются назад, к подбородку, по кратчайшему расстоянию, а не к поясу. Понял?

Дешин выразительно кивнул. Его слегка вытянутое лицо покраснелось, а дугообразные брови выползли на середину лба.

Снова левой, левой, правой...

Сидевшие на скамье вдоль одной из стен двое парней наблюдали за тем, как Матвей пытался обучить основам рукопашного боя своего друга. Они с самого начала поняли, что среднего роста сероглазый молодой мужчина с прямым носом и волевым подбородком знает толк в том, о чем говорит и показывает. Его движения уверенного в себе человека точны и вместе с тем просты.

– Стоп! – Заметив, что друг уже едва передвигает ноги, Матвей стянул лапы и уложил их на поставку у стены. – Вас что, в институте драться не учат?

– В процессе общефизической подготовки несколько приемов самообороны и обезоруживания, – пожал плечами Дешин. – Еще падениям...

– Понятно. – Матвей стал сматывать с рук бинты. – Думаю, на сегодня хватит.

– Я грушу куплю, – заикнулся Дешин.

– Вот этого не надо. – Матвей поморщился.

– Почему?

– Не нужна она тебе, – заверил он его и направился в раздевалку.

– Объясни, – не унимался Дешин, плетясь следом.

– С мешком работают, когда удар поставлен. Так заучишь неправильно...

Матвей открыл свою кабинку, взял полотенце, забросил его на плечо и развернулся к Дешину:

– Зал у вас ничего...

– Это ОМОН для себя выбил, – кивнул следователь, расшнуровывая борцовки. – Нас на час в неделю шеф грозился сюда загонять, да куда там. – Он махнул рукой, вставил ноги в пляжные тапки и посмотрел на Матвея. – Я вообще для себя занимаюсь. Это больше пэп-эсникам надо да участковым. Каждый день на пьяные дебоши выезжают. А мы, – постучал пальцем в висок, – головой работаем.

– Ладно, головастик, пошли в душ. – Матвей только шагнул к дверям, как из кабинки раздалась мелодичная трель.

Он сунул руку в карман ветровки, достал телефон и удивленно хмыкнул. На определителе высветился номер Ирины. Он уже и голос бывшей жены стал забывать. Матвей приложил трубку к уху:

– Слушаю тебя...

– Здравствуй, – голосом тещи ответила трубка, что и вовсе было сродни грому среди ясного неба.

– Здравствуйте, – озадаченный таким оборотом дел, ответил на приветствие Матвей.

– Ты сейчас приехать можешь? – продолжала интриговать женщина.

– Могу, – пытаясь по интонации угадать ее настроение, ответил Матвей. – А что случилось?

– Беда. – Она всхлипнула.

– То, что беда, я уже догадался, – не скрывая неприязни, заговорил он. – В противном случае вы бы мне звонить не стали. С сыном все в порядке?

– Пока да, – ошарашила теща.

– Что значит «пока»?! – взревел Матвей.

– С ним все нормально, – затараторила она. – Только вот у Миши неприятности...

– У Миши? – не поверил своим ушам Матвей.

Перед глазами возник этот слащавый и холеный грузин.

– Матвей...

– Как вы вообще смеете ко мне обращаться из-за проблем негодяя, который разрушил мою семью?! – негодовал Матвей. – Не вы ли называли его спасителем вашей дочери от меня?! Или мне все это снится?

– Если мы не решим проблемы Миши, они пообещали... Сережу... – Теща вдруг всхлипнула и разрыдалась.

– Хорошо, еду. – Матвей отключился.

– Что случилось? – Дешин испытующе заглянул ему в глаза.

– Теща звонила. – Матвей бросил на скамью полотенце и стал одеваться. – Какие-то проблемы у нового мужа моей бывшей жены...

– А ты тут при чем? – продолжал осторожно допытываться полицейский.

Он тоже передумал идти в душ и натянул на себя джинсы.

– Кто-то угрожает неприятностями ребенку. – Матвей надел майку.

– Я с тобой, – заторопился Дешин, зашнуровывая кроссовки.

– Исключено, – покачал головой Матвей. – Это мои проблемы.

– Не сомневаюсь, – согласился с ним Дешин, вставляя в рукав куртки руку. – Только когда под вопросом безопасность ребенка, вопрос автоматически выходит за границы семейных отношений.

– Мы с Ириной давно уже не семья, – направляясь к выходу, бросил Матвей.

– Тем более, – догоняя его, ответил Дешин и водрузил на голову кожаную кепку.

До машины шли молча. Лишь пристегнув ремень безопасности, Дешин продолжил расспрос:

– Если мне не изменяет память, сыну шесть лет?

– Шесть, – эхом повторил Матвей, выезжая со стоянки.

– Его отчим занимается бизнесом...

– Не отчим, а хахаль моей жены... Вернее, бывшей! – поправил его Матвей. – Отчим – это неродной отец, взявший на себя вопросы воспитания и обеспечения ребенка.

– Извини, не так сформулировал вопрос, – стусевался Дешин.

Он знал: Матвей болезненно переносит то, что его сын находится под одной крышей с чужим человеком, который так или иначе все равно влияет на формирование характера и других качеств.

– Да не гони ты так! – спохватился Дешин, когда Матвей обошел мчащийся по второй полосе «Хундай».

– Миша занимается перепродажей автомобилей. – Матвей бросил на Дешина быстрый взгляд. – Думаю, связан с криминалом.

– Правильно думаешь, – кивнул Дешин. – А фамилию знаешь?

– Михаил Хачидзе, – ответил Матвей.

Дешин пожевал губами:

– Не слышал.

– Он из Кутаиси, – вспомнил Матвей.

Они уже выехали за город. Справа и слева от дороги потянулись ровные заплатки свежеспашанных полей, замелькали одевшиеся в молодую листву рощи.

– А мы с Мартой только собрались отдохнуть, – вспомнил Матвей.

– На море? – зачем-то спросил Дешин.

– Ага, почти угадал, – улыбнулся Матвей. – Байкал называется...

– Чего это вы? – удивился полицейский. – Нашли место... Люди едут туда, где солнце и пальмы...

– Скучно и банально, – цокнул языком Матвей. – Да и насмотрелись мы с ней на эти прелести в Конго, – намекая на недавнюю работу в этой африканской стране, грустно усмехнулся Матвей. – У нас в России места лучше. А вся эта экзотика просто дань моде.

Дешин больше вопросов не задавал. Погруженный в свои мысли, Матвей не заметил, как доехал до поворота в поселок, и вскоре они остановились у высокого деревянного забора, за которым высилась двухэтажная гордость бывшей тещи Матвея.

Здесь, как выяснилось, их ждали. Калитка оказалась открытой. Едва Матвей ступил во двор, как в дверях коттеджа появилась теща.

– Где сын? – поднимаясь по ступенькам, сухо спросил он.

– Там! – Она с готовностью нашкодившего школьника выпрямила руку в сторону гостиной.

Матвей шагнул через порог.

– Папа! – Сережка сидел на руках Ирины и, тут же соскочив, бросился навстречу.

– Привет, малыш. – Матвей присел на корточки.

Сережка подбежал и обнял отца. У Матвея защемило сердце. На одном из диванов сидел Мико. Осунувшееся лицо, бегающий взгляд... В общем, жалкий вид побитой собаки...

Матвей невольно вспомнил, как вел себя грузин при их первой встрече. Тогда даже пришлось немного поучить его уму-разуму, приложив об пол... Теща помешала довести дело до конца.

Матвей взял Сергея на руки, выпрямился, прошел к дивану и сел напротив Ирины.

Лицо бывшей жены было заплаканным. Некоторое время Матвей разглядывал ее, пытаясь понять, шевельнется ли в груди что-то при взгляде на некогда обожаемую женщину. Нет, ничего. Только странная жалость. С кем связалась русская баба? На кого променяла его? С другой стороны, не уйди она, не встретил бы он Марту. Хотя, не встретил бы Марту, наверняка до сих пор был бы счастлив с Ириной. Парадокс.

– Это мой друг, Дешин Борис Геннадиевич. – Матвей показал взглядом на переминающегося с ноги на ногу в дверях полицейского: – Проходи, располагайся.

Дешин прошел и сел рядом.

– Рассказывай, – глядя поверх головы Ирины, потребовал Матвей.

– Меня один человек кинул... – открыл было рот Мико, но Матвей процедил сквозь зубы:

– Тебе слова не давали.

– Как знаешь! – вспыхнул грузин, однако тут же осекся.

– Мико, вернее, Миша, – поправились Ирина, – занял в прошлом году у своего земляка деньги на развитие бизнеса...

– Какого бизнеса?

– Не знаю, – тихо пролепетала Ирина и украдкой посмотрела на своего грузинского мужа.

– Сережа, иди во двор поиграй. – Матвей поставил сына на пол и слегка подтолкнул в спину.

Проводив малыша взглядом, он холодно посмотрел на Мико:

– Видишь, тварь носатая, ты подставил моего ребенка и женщину, даже не посвятив ее в свои грязные планы...

– Все чисто было! – вскочил со своего места Мико.

– Сядь! – строго сказал Матвей. – И рот открываешь только по моей команде...

– Пусть скажет адрес, – подал голос Дешин.

– Бабушкина десять...

– Это между улицей Дмитрия Ульянова и Нахимовским проспектом, – на секунду задумавшись, кивнул полицейский. – Хорошо.

– Почему хорошо? – не понял Матвей.

– Моя территория...

– А ты из солнцевских, да? – испугался Мико, приняв Дешина за бандита.

– Он из полиции, – усмехнулся Матвей. – А тебе последнее предупреждение. Откроешь рот без моей команды, лишу твою жевалку зубов...

* * *

Невысокий, со слегка выпирающим животиком мужчина лет пятидесяти, играя брелоком с ключами от машины, не спеша прогуливался по привокзальной площади. С виду неприметный гражданин, круглую, как мяч, голову которого украшали большие залысины. Между оттопыренными ушами небольшая клетчатая кепка. Вещей у него с собой не было. Одетый в белую, с замысловатым рисунком на груди футболку, поверх которой была накинута легкая куртка-ветровка, потертые джинсы и ботинки, он напоминал недавно вышедшего на пенсию человека, который решил заняться частным извозом. Вот приехал к поезду, а клиентов не досталось. Или еще того хуже – указали ему на его место, и теперь приходит бедолага в себя после серьезного разговора с теми, на чей кусок позарился. Ведь рынок этот в Москве давно поделен. Перестанут трястись руки, уймется выскакивающее из груди сердце, сядет он за руль своей развалюхи, и был таков. Однако, если приглядеться, не выглядел этот гражданин расстроенным и тем более напуганным. Напротив, глядел он на все по-хозяйски, и была в его глазах какая-то колючая хитринка и отталкивающая брезгливость. Могло даже показаться, что мужчина праздно шатается. На самом деле Сергей Аркадьевич Самохвалов по кличке Хвастун здесь работал.

Недавно прибыл поезд из Иванова. До открытия метро еще почти час, до автобусов и трамваев и того больше. Те пассажиры, кто побогаче, разъехались на такси. Остальные расплзлись по залам ожидания и привокзальной площади. А кто-то и вовсе уже устроился в одном из многочисленных круглосуточных кафе. Хвастун и его команда искали среди массы этих людей жертву. Вот он прошел мимо влюбленной парочки. Парень и девушка стояли, прижавшись друг к другу. Упакованы по последней моде. Уж что-что, а Хвастун, как и его помощники, знал толк в одежке. Да и аромат духов блондинки – не из дешевых. «Abercrombie & Fitch Ezra» – Хвастун дарил такие дочери на день рождения. Они ей не понравились из-за излишне сильных нот яблока. У девушки через плечо – дорогая сумочка... Наверняка есть что взять. Но лучше не трогать. Кроме всего прочего, Хвастун был хорошим психологом. Нет, он не учился специально и не имел диплома, но мог на взгляд безошибочно определить, как поведет себя тот или иной человек в определенной ситуации. Парень, сразу видно, не из трусливого десятка, да

и подруга шум поднимет. Хвастун вздохнул и перевел взгляд на бродившего по перрону старика. Заложив руки за спину, дедок в шляпе и стареньком костюме с орденскими колодками на левой половине груди прошаркал стоптанными подошвами ботинок мимо. Хвастун брезгливо сплюнул. «Фронтвик, мать его! Кто воевал, перемерли уж все». Додумать он не успел, поскольку взгляд его уперся в невысокого мужчину в кожаной куртке и джинсах, курившего у выхода из зала ожидания. Новые туфли, словно он вышел из магазина, чистая, но слегка мятая рубашка и заспанный вид говорили сами за себя: этот совсем недавно сошел с поезда.

Хвастун подошел и встал рядом. Пошарил по карманам, достал пачку «Винстона», вставил сигарету в рот, похлопал по карманам и вопросительно уставился на мужичка.

– Что, спички? – догадался тот.

– Угу, – кивнул Хвастун. – Если можно.

– А чего же нельзя? – повеселел мужичок, доставая из кармана зажигалку.

– Кто, интересно, эти расписания составляет? – Раскурив сигарету, Хвастун зло выругался. – Приедешь среди ночи и сиди жди, на радость всякому ворью и проституткам. – Он заговорщицки огляделся по сторонам и заговорил тише: – Знаешь, какой на этом вокзале криминал? У-у, – протянул он. – Ты куда едешь?

– В Днепропетровск, – ответил мужчина.

– В Украину, что ли? – прищурился Хвастун. – А чего, родственники там?

– Родственники, – эхом повторил мужичок. – Я в Иваново на стройке работаю. Вот отпуск дали... У нас-то с работой туго.

Хвастун понимающе кивнул:

– Развалили страну, мать его!

– Не говори, – согласился мужичок.

– Значит, с заработков едешь, – глядя на идущего в их сторону крепыша в спортивном костюме, вздохнул Хвастун и потер правой рукой подбородок. Этим движением он сделал знак рукой, что справа от него лох и его нужно начать «прессовать».

Щербатый прошел мимо, скрывшись за углом, однако тут же появился, уже в сопровождении Гвоздя, высокого, с массивной челюстью парня. На головах обоих кепки-бейсболки с длинными козырьками.

– Папаша, – обратился к Хвастуну Щербатый, словно они незнакомы, – шел бы ты потихому. А то опять за тебя вписываться придется.

– Понял, – часто закивал Хвастун, торопливо размял о край урны сигарету, при этом сделал так, чтобы закрыть пути отхода мужичку, и ретировался.

– Ну что, в столицу работать? – обратился к мужичку Гвоздь, глядя на него сверху вниз.

– Проездом на Украину. – Мужичок с тоской посмотрел на двери, за которыми скрылся недавний собеседник. – А у него что, проблемы были?

– Тебе какая разница? – хмыкнул Щербатый. – Ты о себе думай.

– А мне зачем? – заикаясь, спросил мужичок.

– У нас правило – пять процентов от суммы, которую везешь, отстегиваешь за охрану, – оттесняя мужичка от входа, пропыхтел Гвоздь.

– Зачем охрана?

– Хочешь узнать? – хохотнул Щербатый. – Это мы мигом.

Он слегка поддел мужичка плечом. Тот стал пятиться. Шаг, второй, и вот уже они в нише вокзального здания. Мужичок прижат спиной к стене.

– Будешь платить? – процедил сквозь зубы Щербатый.

– Конечно. – Мужичок часто закивал.

– Сколько везешь? – быстро спросил Гвоздь.

– Сорок...

– Сорок чего? – нахмурился Щербатый.

– Денег...

– Ты что, совсем плохой, да? – возмутился Гвоздь. – В какой валюте? Евро, баксы...

– В рублях, конечно, – почему-то обрадовался мужичок.

– Давай, значит, восемьсот. – Щербатый огляделся по сторонам.

Мужчина с готовностью запустил руку за отворот куртки.

– Постой! – схватил его за запястье Гвоздь. – Может, там у тебя пушка газовая?

– Да вы что, мужики...

Мужичок медленно извлек бумажник, открыл его и едва попытался отсчитать купюры, как Щербатый забрал все.

– Дай пересчитаем, а то везешь, может, лям, а нам втираешь, что сорок...

– Зачем мне врать? – возмутился мужичок.

Щербатый вынул пачку тысячных купюр и стал считать, постепенно разворачиваясь к свету. Как раз из подошедшего поезда высыпал народ. Гвоздь дернул его за локоть:

– Давай отойдем, что здесь светиться?

Мужчина не успел глазом моргнуть, а его охранников и след простыл...

– Ну что? – Хвастун посмотрел в зеркало заднего вида на усевшихся на заднее сиденье Щербатого и Гвоздя.

– Сорок тонн у него слили...

– Не густо, – вздохнул Хвастун и, не оборачиваясь, поднял ладонь на уровень уха.

Гвоздь вложил ему в руку пачку купюр, которая тут же исчезла под сиденьем.

– Сваливаем? – спросил Щербатый.

– Квас «наколку» дал. – Хвастун зевнул. – Нефтянику вещи тащил. Тот лопатник засветил. Баксов, говорит, тонн двадцать...

– И где он? – заволновался Гвоздь.

– Клим пасет...

– Один? – Гвоздь подскочил на сиденье.

– Не суетись, – осадил его Хвастун. – Белла, как случай подвернется, склеит его...

– И что, он с ходу поведется? – недоверчиво спросил Гвоздь.

– Белочку не знаешь? – усмехнулся Хвастун. – Знает свое дело.

Сбоку машины появилась худосочная фигура в униформе носильщика.

– Квас! – зачем-то прокомментировал Гвоздь.

Хвастун надавил на кнопку стеклоподъемника.

– Короче, терпила в Шереметьево сейчас поедет, – быстро заговорил Квас в образовавшуюся щель. – Клим ему проехал по ушам, будто тоже с поезда...

– А чего ему в Шереметьеве делать, нефтянику-то? – недоуменно протянул с заднего сиденья Гвоздь.

– Он инженер, летит в Норвегию, – пояснил Квас. – Там какие-то дела...

– Теперь ясно, – облегченно вздохнул Гвоздь.

– Тебе какая разница?! – вспыхнул Хвастун и завел двигатель. – Все, в аэропорт валим, там его делаем...

* * *

Наблюдая через стекло, как гигантский «Боинг» медленно причаливает к телетрапу, хрупкая, похожая на подростка девушка в кожаной куртке и джинсах задумчиво крутила в руках микрофон. В карих глазах легкая усталость и затаенная тоска, какая бывает у людей, свикшихся с ожиданиями. Тонкие, слегка вздернутые у висков брови, украшенный веснушками носик забияки, коротко стриженные каштановые волосы... Чувствовалась во всей этой внешне спокойной внешности скрытая энергия и взрывной характер.

– Как думаешь, Звонк, мы здесь надолго застрянем? – обратился к ней угрюмого вида увалень, держащий в опущенной вдоль туловища правой руке видеокамеру.

Девушка, которую назвали Звонком, холодно посмотрела на него:

– Устал?

– Нет, – замотал он головой.

– Тогда не стони!

– Я не стону, – обиженно оттопырил он нижнюю губу. – Не хочется ночь в студии на стульях коротать...

Ольга поправила на плече ремешок сумочки:

– Не хочется, увольняйся...

– Чуть что, сразу увольняйся, – расстроился он, отчего нижняя губа отвисла еще больше. – Взяли моду...

Ольга Званцева была жестким человеком. Спуску не давала ни себе, ни тем, кто от нее зависел. Могла ночь напролет сидеть под проливным дождем или в холод ради нескольких минут съемки. Жизнь ее не баловала, а закаляла. Родилась Ольга недалеко от границы с Китаем, в семье военных. Большую часть жизни родители провели в скитаниях по отдаленным гарнизонам, пока не осели в Воронеже. Там Ольга окончила школу и поступила в государственный университет, на факультет журналистики. Будучи еще студенткой третьего курса, попала на местное телевидение, а получив диплом, отправилась завоевывать московские телеканалы. Ей все давалось легко. Немного везения, знаний и обаяния, и вот она уже делает остросюжетные ролики на НТР. В начале этого года ей предложили снять фильм о старообрядцах...

Негромкий, но слышный в каждом уголке терминала голос диктора объявил о посадке на рейс «Москва – Тель-Авив».

Вместе с Лидией Михайловной, сотрудницей ОВИРа, которую про себя Ольга назвала Лидочкой, они поджидали прилетевшую час назад из США и сейчас проходившую досмотр семью Берестовых.

– Не понимаю, чего они едут? – пропыхтел оператор.

– Зов крови, – ностальгически вздохнула Лидочка.

– Только здесь их никто не ждет. – Званцева отвернулась от окна.

– Как это? А мы? – Лидочка округлила подведенные глаза, отчего стала похожа на клоунессу.

– Вы всучите им паспорта и забудете, – зло ответила Ольга. – Я сниму материал, смонтирую его, и на этом точка. А им жить...

– Что-то вы с каким-то пессимизмом говорите, – настороженно проговорила Лидочка.

– У меня есть на то основания. – Звонк окатила ее холодным взглядом. – Месяц занимаюсь этим. Поверьте, ничего хорошего этих людей на так называемой исторической родине не ждет.

– Ну, не знаю, – недоверчиво протянула Лидия.

– А я знаю, – заявила Званцева. – Уже месяц в этой проблеме...

– Вы, журналисты, только плохое ищете, – фыркнула Лидочка. – Я телевизор не смотрю, газет не читаю.

«Оно и видно», – хотела сказать Ольга, однако передумала и парировала атаку на свое самолюбие совсем иначе:

– Правильно делаете, одни сплошные расстройства.

– Вот видите, и вы это признаете, – по-детски обрадовалась Лидочка.

– Пойдемте, – устало вздохнула Ольга и направилась к выходу, над которым горела цифра «два».

Встречающих было немного. Из пестрой толпы выделялся угрюмого вида бородатый мужчина в застегнутой на верхнюю пуговицу рубашке и черных брюках, заправленных в армей-

ские ботинки с высоким берцем. На голове кепка с длинным козырьком. Ольга догадалась, бородач ждет тех же людей, что и она.

* * *

– Все? – Агата Берестова с надеждой заглянула в глаза таможеннику.

– Вот теперь совсем другое дело! – Пробежав взглядом по налоговой декларации, мужчина в униформе махнул рукой в сторону никелированного пропускника: – Проходите.

– Долетели с Божьей помощью. – Агата подхватила дорожную сумку и перевязанную коробку с книгами.

– Утомилась? – волоча за собой тележку с двумя чемоданами, спросил Никита Лукич.

– Самую малость, – призналась Агата, оглядываясь на детей.

Сыновья-погодки, Василий и Андрей, катили на тележках еще два чемодана и несколько коробок.

– Хорошо, что ружья не взяли, – проследив за ее взглядом, сказал Никита Лукич. – Сейчас бы нас в полицию проводили.

– Законы здесь суровы, – соглашаясь с ним, сказала Агата. – Вон сколько декларацию заполняли.

– Смотри, Панкрат Килин нас встречает! – обрадованно воскликнул Никита Лукич.

– Откель знаешь? – Семена рядом, она посмотрела вперед.

– Трудно ошибиться, – усмехнулся Никита Лукич. – Из всех, кто там стоит, только один с бородой.

– И правда, – согласилась Агата.

Они прошли за ограждение. Огромный зал, сияющий металлом и мрамором, впечатлил не искушенную путешествиями Агату масштабами.

– Зачем такой большой? – прошептала она, испуганно озираясь.

– Ну, здравствуйте! – Панкрат одернул рубашку, вытянул перед собой руки и шагнул навстречу Никите.

Мужчины обнялись.

– Как долетели? – Панкрат посмотрел на Агату.

– Хорошо, – потупилась она, почувствовав, что окружающие больше, чем положено, задерживают на них свои взгляды.

– Ананий Панкратович! – позвал Панкрат невысокого подростка в футболке и спортивных штанах. – А ну, пособи дядьке!

Парнишка подошел и попытался взять из рук Никиты Лукича ручку тележки.

– Не надо, я сам, – сконфузился тот. – Чай, насиделись в самолете-то.

– Вот принесла нелегкая! – помрачнел Панкрат, глядя на возникшую перед Никитой невысокую девушку с микрофоном и грузного мужчину с видеокамерой. – Эка невидаль, люди приехали!

– Здравствуйте, – поприветствовала девушка. – Меня зовут Ольга Званцева, телеканал НТР. Мы снимаем фильм о переселенцах-старообрядцах...

– Никакого продыху... И как прознали? – качал головой Панкрат.

– А нельзя в другой раз? – взмолился Никита Лукич.

– Мы обязательно еще не раз встретимся, – заверила журналистка. – Ну а сейчас несколько слов. Как вам первое впечатление о России?

– Да мы не видели еще ничего! – улыбнулся Никита Лукич.

– Вы приехали по приглашению? – продолжала она засыпать вопросами.

– Точно, пригласили нас! – Никита с опаской покосился сначала на объектив видеокамеры, потом на Панкрата, пытаясь понять его реакцию на происходящее. Но тот смотрел на

него со снисхождением. «Расскажите им, чего они хотят, – говорили его глаза, – да поехали отсель побыстрее».

– Два слова о тех, кто вас ждет, – наседала журналистка.

– Там, куда мы направляемся, жили наши предки, которые покинули Россию сразу после революции, – стал рассказывать Никита. – А три года назад нам удалось разыскать моего родственника по брату – прадеда. Зовут его Леонтий Спиридонович. К ним уже приехали две семьи из Америки. Живут. – Он пожал плечами. – Вот нас пригласили.

– Мы уже давно собираем материал, который касается возвращения староверов...

– Старообрядцев, – поправил ее Никита Лукич.

– Старообрядцев, – кивнула Званцева. – Уже знаем, в губерниях распространена практика отправлять вас в самые глухие и заброшенные деревни, откуда коренные жители давно убежали из-за отсутствия элементарных благ. Вас не пугает такое отношение властей?

– Мы уже знаем, куда едем, а дома, как говорится, стены помогают, – ответил Никита. – Нашим предкам, когда они переехали сначала в Китай, а потом в Америку, тоже было нелегко.

– Значит, вас не страшит оказаться уж в совсем диких местах?

– Людей меньше, легче жить, – он пригладил рукой бороду. – Мы с миром не мешаемся.

– Ольга Владимировна... – Сухощавая женщина в очках строго посмотрела на журналистку.

– Да, Лидия Михайловна, мы заканчиваем. – Званцева вновь развернулась к Никите Лукичу: – Сейчас представитель ОВИРа вручит вам паспорта граждан России. Какое чувство вы испытываете?

Никита Лукич лишь пожал плечами. Как он может передать словами то состояние души, тот ее восторг, который испытал, когда вышел на трап самолета и вдохнул этот воздух? Запах разогретой пластмассы салона, напитавший одежду, и сторевшего керосина не мог перебить странный дух, ожививший где-то под сердцем глубоко запрятанные и доселе хранившие молчание струны. Странная и как бы давно забытая мелодия наполнила тогда каждую его клеточку радостью.

– Пройдемте, – Лидия Михайловна отстранила рукой оператора, давая возможность Никите и его семейству пройти наконец в зал. – Сейчас мы выдадим вам паспорта, и вы станете полноправными гражданами России.

– Дети пусть останутся с вещами, – озираясь по сторонам, сказал шедший с женщиной мужчина. – Чего им тащиться?

– Действительно, – спохватилась Лидия Михайловна и посмотрела на Никиту: – Давайте, они нас у выхода подождут?

* * *

С трудом втиснув свой «Лексус» между «Ниссаном» и «Фордом», Матвей заглушил двигатель и посмотрел на Мишу в зеркало заднего вида:

– Веди, показывай...

– Может, сами сходите? – дрожащим голосом проблеял грузин.

– Ты не борзей! – предостерег его Матвей. – По мне, так лучше, чтобы тебя в асфальт закатали... Козел.

– В штаны наложил? – усмехнулся Дешин.

– Это не моему сыну грозит опасность, – промямлил грузин.

– Что? – протянул Матвей, разворачиваясь на сиденье. – Разве я занимал бабки под проценты? Ты, сука, до конца дня не доживешь! Я тебе обещаю. Как разберусь с твоим Вахтангом, так тебе обратный отсчет включу!

– Какой обратный счет? – вжавшись в спинку сиденья, округлил глаза Мико, по-своему поняв его слова.

– Не горячись, Матвей. – Дешин положил ему на плечо ладонь. – А брать его с собой, думаю, не стоит. Наверняка официанты узнают своего бывшего директора, и тогда твоя затея пойдет насмарку.

– Мы можем сразу пройти к этому Вахтангу, – пожал плечами Матвей.

– Тебе же сказано, служебный вход закрывается на замок, а в коридорах – камеры, – напомнил Дешин, заранее зная, что Матвей не забыл об этих нюансах. Просто очень не хочет оставлять грузина одного в машине. Вдруг убежит? А основания так считать у них были. Мико до последнего рассчитывал, что сердобольная теща, которая в свое время выставила за дверь Матвея, согласится продать за долги дачу и участок. Он и подумать не мог, что у женщины хватит совести после всего случившегося обращаться за помощью к бывшему зятю. Но Анастасия Федоровна была та еще штучка. Бедняга едва не лишился от страха рассудка, когда Матвей сказал ему, чтобы он собирался ехать с ними к кредитору для разговора.

– Хорошо, – нехотя согласился Матвей и бросил на грузина свирепый взгляд: – Не дай бог, ты свалишь...

Еще дома они подробно расспросили Мико об обстоятельствах дела и замешанных в нем людях. Как удалось понять из его сбивчивого рассказа, год назад он занял под проценты денег и выкупил небольшое кафе на Бабушкина. Заручившись поддержкой одного из земляков по имени Вахтанг, с энтузиазмом стал переоборудовать его в ресторан. В течение месяца ресторан грузинской кухни «Нино» был готов. Утвержден и штат сотрудников. Однако Мико сильно просчитался. Люди в его заведение не шли, доход был небольшим, росли стопки счетов за электричество, воду, телефон и прочие блага, о которых он как-то забыл, когда брался за дело. Появились и непредвиденные расходы на пожарную инспекцию, санэпидстанцию, чиновников из районной администрации... Всех и не перечесать. Кончилось тем, что, рассчитав все налоги и платежи, он не смог выплатить персоналу зарплату. Одновременно пришло время отдавать долг. Накануне горячие грузинские парни пришли к своему земляку и «попросили» переписать заведение в счет процентов по кредиту. Уже спустя час у ресторана появился новый хозяин в лице подставного директора. Мико же было установлено время в течение недели вернуть остаток долга, который странным образом равнялся стоимости коттеджа и земельного участка бывшей тещи Матвея. А чтобы Мико был поговорчивей, его земляки навестили и Анастасию Федоровну. Матвей и Дешин решили с ходу ехать к кредитору. Тем более, как выяснилось, ресторан находится «на земле» полицейского.

Матвей вошел в зал и огляделся. Ничего особенного. Розовые стены, украшенные бутфорским холодным оружием и картинами в золоченых рамках, деревянные столы с массивными стульями, приглушенный свет и тихая музыка... Людей почти не было. За ближним к выходу столику, как и договаривались, сидела Марта. Ковыряясь вилкой в хачапури, зеленоглазая брюнетка даже не удостоила взглядом вошедших. Матвей про себя похвалил за оперативность девушку, которую лишь час назад ввел в курс дела по телефону. Марта должна была устроить скандал и вытащить в зал директора заведения.

– Народу не густо, – констатировал он, направляясь через зал.

Они заняли места за соседним от Марты столиком.

– Бутылочку вина, – стал перечислять Матвей возникшему рядом со столиком официанту, – «Хванчкару»...

– Не берите эту гадость! – Неожиданно Марта развернула к ним свое красивое личико. – Отравитесь.

– Девушка, – лицо официанта вытянулось от удивления, – если у вас есть замечания по поводу блюд и вин...

– Где вы здесь видите блюда? – возмутилась она. – Как свиньям готовите...

– Я вызову администратора, пожалуйста, скажите ему свои претензии...

– Администратора?! – Марта поперхнулась от злости. – Ты хочешь, чтобы я говорила с администратором? Да кто он такой, ваш администратор? Я хочу видеть директора!

Официант извинился и ретировался. Через минуту он появился в зале снова. Вместе с ним шел и новый директор. Это был плюгавенький мужичок лет пятидесяти, больше похожий на учителя ботаники...

– И это директор! – взвилась Марта. – За кого вы меня принимаете?! Мне что, мужа позвать? Вы знаете, кто он?! Да он на месте вашей тошниловки бензозаправку завтра построит!

Почти сразу рядом с ее столиком возник худощавый грузин с неимоверно большим носом.

– Девушка, почему такой красивый и кричишь? – попытался он с ходу успокоить Марту.

– Слышишь, Вахтанг! – окликнул его Матвей, поднимаясь со своего места. – Почему ты с ней так разговариваешь?

– Как? – нахмурился грузин, отчего его брови образовали на лбу одну сплошную линию.

– Плохо, – констатировал Дешин, последовавший примеру Матвея.

– А ты кто такой? – спросил Вахтанг.

Матвей за время обмена любезностями оказался уже в шаге от грузина. Со стороны могло показаться, что он лишь протянул руку для приветствия. Вахтанг машинально ответил на рукопожатие. Матвей едва заметно дернул его на себя, а левой рукой взял чуть выше локтевого сгиба грузина так, что указательный и большой пальцы оказались на болевых точках. Слегка сдавив их, он лишь легонько надавил на ладонь, а у грузина уже подогнулись ноги. Еще немного, и его можно было опрокинуть на пол. Но Матвей преследовал другую цель:

– Я отец мальчика, которому ты пообещал сделать плохо, если Мико не вернет вовремя долг...

– Какой мальчик? – бледнея, но сохраняя внешнее спокойствие, прохрипел Вахтанг и попытался освободиться от захвата.

Вместо ответа Матвей сдавил пальцы сильнее и увлек его к выходу.

* * *

Хвастун был в приподнятом настроении. Еще бы, за утро почти «лимон» «срисовали». Белла не подвела. Доехав с нефтяником до аэропорта, она сумела так войти в доверие, что он даже бросился покупать ей билет до Риги. Потом они отправились в бар, где за одним из столиков нефтяник уснул. Он выпил совсем немного, но «коктейль» из коньяка и психотропных препаратов свалил мужчину. Белла со знанием дела обчистила его карманы.

Хвастун, вопреки своему обыкновению, решил сразу после всего не ехать домой, а прогуляться по соседнему терминулу. Тем более что нефтяник будет спать как минимум до обеда. А пока он не проснется и не обнаружит пропавшего кошелька, их никто не хватится. Да и Белла молодец. В сортире поменяла прическу, надел темный парик, сменила строгий брючный костюм на прикид беззаботной дамочки... Хвастун решил: раз масть пошла, надо пользоваться случаем. Он не был суеверным и со своей командой работал до тех пор, пока не кончится запал.

Хвастун с видимым безразличием прогуливался по залу, выискивая новую жертву. Здесь, в Шереметьеве, все гораздо сложнее. Повсюду видеонаблюдение, полицейские патрули, собственная охрана, переодетые опера... Много чего добавляло драйва, который он обожал. Кроме всего, можно и от «хозяина» по шапке получить, что на чужую территорию залез. Но Хвастун исправно платил процент от заработанной суммы, и на его вольности закрывали глаза.

Хвастун миновал переход и оказался в следующем зале. Ничего не выражающий взгляд главаря небольшой, но мобильной банды скользнул по кучке парней и девушек, задержался на лежавших рядом рюкзаках, переполз чуть правее и некоторое время изучал сначала одежду, а

потом чемоданы толпившихся у прохода на посадку людей. Увидев рядом полицейского, Хвастун устремил свой взор ко второму выходу. Там творилось нечто интересное. Он сразу увидел среди встречающих представителя прессы в лице худосочной девчонки с микрофоном в руках и нелепо одетого бородача.

«Интересно, кого встречают?» – Хвастун замедлил шаг. Вот меж никелированных ограждений проскользнула похожая на селедку дама, навстречу которой тут же устремился грузный мужчина. Следом прошла пожилая женщина. За ней, волоча за собой загруженную чемоданами тележку, вышел бородач в подпоясанной косоворотке, какие Хвастун видел только в кино да на фотографиях родителей. На голове картуз... Рядом, с трудом волоча дорожную сумку и какую-то коробку, семенила женщина в платке и сарафане. Потом появились двое подростков, также нагруженные багажом. Будучи человеком начитанным и имея большой стаж работы под крышами самых разных транспортных узлов столицы, Хвастун безошибочно угадал в приехавших глубоко верующих людей и даже предположил, что они старообрядцы.

Между тем навстречу им шагнул бородач. Он обнял мужчину и расцеловал. Тут же из толпы возникла журналистка. Она сунула микрофон с логотипами НТР под нос мужчине и что-то спросила. Удрученно оглядевшись по сторонам, он ответил. Она задала еще вопрос. На этот раз мужчина говорил дольше.

Хвастун подошел ближе.

В это время прилетевших мужчину и женщину увлекла за собой женщина в строгом костюме. По виду сотрудник ОВИРа. Хвастун двинул вслед за подростками, которые направились в противоположную сторону, волоча на себе багаж. С ними был один взрослый, все тот же бородач.

Они миновали тамбур и вышли на улицу. Здесь, как выяснилось, их поджидал небольшой микроавтобус «Форд».

– Крестьяне, – усмехнулся Хвастун, размышляя, стоит или нет тратить на этих людей время.

– Что скажешь? – Рядом из ниоткуда возник Щербатый.

– То и скажу, работай их, – бросил ему Хвастун и прошел мимо, к своей машине.

Уже устроившись за рулем, Хвастун наблюдал за тем, как его помощники «разводят» лохов. Вот у микроавтобуса появилась в короткой юбчонке и на неимоверно высоких каблуках Белла. Таща за собой огромных размеров чемодан, она как бы споткнулась рядом с бородачом и что-то спросила у него. Ясно, просит помочь дотащить багаж до стоянки такси. Невдомек мужику, что в нем один хлам для веса. Бородач берет за ручку и тащит его вслед за девушкой, стараясь не смотреть на ее шоколадные бедра. В это время у машины возникает Клим Анисимов. Коренастый, с интеллигентным лицом брюнет начинает что-то спрашивать у парней, встав таким образом, чтобы они оказались спиной к открытой двери «Форда». Парни начинают отвечать. Он с деланным интересом слушает. Между парнями и микроавтобусом проскальзывают Щербина с Гвоздем. Вот они уже уходят прочь. У каждого в руках по чемодану. Минута, и оба вора затерялись в толпе. Клим кивает, бросает взгляд в сторону возвращающегося от стоянки такси бородача и ретируется. Все, дело сделано. Хвастун повернул ключ в замке зажигания.

Спустя полчаса, сидя в машине, он наблюдал через открытую дверцу за тем, как Щербина выкладывает на траву содержимое чемодана. С каждой вынутой вещью лицо Хвастуна делалось все темнее.

– Надо же так облажаться, – разворачивая какой-то расшитый лоскут мешковины, пробормотал Щербатый. – Одна рухлядь...

– Ищи лучше. – Хвастун поставил ногу на землю и вышел из машины. – Они из Америки ехали. Там наверняка все продали, чтобы здесь заново купить...

– А чего им надо-то? – хмыкнул Гвоздь и вывалил под ноги содержимое второго чемодана.

– Машины, трактора, – разглядывая лежащий у ног подельника ворох рубашек, юбку и носки, пробормотал Хвастун. – Может, у чемоданов второе дно?

Щербатый щелкнул выкидным ножом, подтянул к себе чемодан и стал отдирать внутренности.

– Чего это за хрень? – Хвастун наклонился и взял брошенный Щербатым лоскут.

Это было нечто похожее на полотенце. Только очень грубое и старое. Вон на изгибах пыль так въелась, что не отстирывается, а сделала материал желтым.

Развернув его, Хвастун вытянул руки и склонил голову набок, пытаясь понять рисунок. От верхнего угла к нижнему этот кусок материи пересекала извилистая лента, вышитая синими нитками. В центре – два черных треугольника. Вокруг обыкновенные елки, какими их рисуют дети. По левой кромке какие-то старославянские надписи.

– Видно, жена этого с рыжей бородой в детстве вышила и таскает повсюду за собой как память. – Он скомкал тряпку и бросил в кустарник.

– Зря день убили, – с досадой проговорил Щербина и отбросил в сторону раскуроченный чемодан. – Ничего.

– Они как знали, – зло плюнул себе под ноги Гвоздь. – Обыкновенный мусор насовали.

– Что дальше? – Щербатый поднял на Хвастуна тяжелый взгляд.

– Сегодня фарту больше не будет, – сделал вывод Хвастун. – Бросайте этот хлам здесь да поехали...

Глава 2

Стоя перед опустившими голову сыновьями, Никита Лукич слушал сбивчивые оправдания Панкрата.

– Прости, недоглядел, – разводил родственник руками. – Бестия рыжая с толку сбила. Попросила помочь. А разве откажешь? Схватил я чемодан ее да понес. – Он махнул рукой в сторону стоянки такси. – Воротился, а ребяташки уже и пропажу обнаружили. И как недоглядели?

Не успели порадоваться Никита и Агата новеньким российским паспортам, как их обокрали.

– Взяли вроде ничего, если бы... – Никита не договорил.

Как теперь быть? Конечно, воришки картой, вышитой на рушнике, воспользоваться не смогут. Не вся она там, остальная часть в иконе спрятана, которая хранилась в коробке. Да и не поймут они письма и замысловатые рисунки, шитые выгоревшими от времени нитками... Никита попытался восстановить карту в памяти. Ручей, его изгибы, скалу... Нет, ничего не выходит. Можно, конечно, нарисовать от руки, но он многое упустит. Дед Елизар говорил, что за сто лет наверняка и так все поменялось. Может, и нет этого ручья вовсе? Он сокрушенно вздохнул и поскреб пятерней затылок. Искать надо.

– Как хорошо, что вы еще не уехали! – раздался сбоку радостный голос.

Никита Лукич развернулся на пятках и едва не налетел на уже знакомую журналистку, которая полчаса назад задавала ему вопросы. За ней и оператор с камерой на плече. Глядя на них, Никита вдруг вспомнил, что часто, украдкой от остальных просматривая по телевизору новости и прогноз погоды, он наткался на объявления, которые давали люди с просьбой помочь найти ту или иную вещь. Иногда искали животных и даже детей. В голову Никите Лукичу пришла идея.

– Вы бы, дамочка, шли пока своей дорогой, – сурово начал было Панкрат, но Никита его неожиданно перебил.

– Погоди, Панкрат Миленович! – почти крикнул он и обратился к журналистке: – Может, как раз ваша помощь понадобится.

– А что случилось? – Девушка вопросительно уставилась на него.

– Украли у нас два чемодана, – объяснил Никита Лукич. – Будь они неладны...

– А вы в милицию обращались? – с ходу спросила девушка. – Здесь вон сколько видеокамер.

– Нет там особенно ценных вещей, – поспешил успокоить ее Никита Лукич, – так, тряпки одни для ребяташек...

– Все равно, – не унималась Ольга.

– Да Бог с ними, с вещами этими, – живо отмахнулся Никита. – Не в них дело. Был там рушник, шитый еще моей прабабкой. Так вот он пропал.

– И чего вы хотите от меня? – Журналистка удивленно захлопала глазами.

– Нельзя ли при помощи вашей камеры объявить, что, мол, Никита Берестов просит вернуть за вознаграждение...

– Солидное, – вставил, вмиг сообразив, что к чему, Панкрат.

– Что? – не понял Никита Лукич.

– За солидное вознаграждение, – пояснил оператор.

– Да, именно, – кивнул Никита Лукич. – Вернуть рушник...

– Лучше будет – полотенце, – осторожно предложила Ольга. – А почему вы так печетесь о нем?

– Ну как? – развел руками Никита Лукич и замялся. – Память...

– Вы можете сказать, как он хоть выглядит? – допытывалась девушка.

– Там река синего цвета. – Словно ища подтверждения, Никита посмотрел на Агату. – В общем, рисунок непонятный, но мне особенно дорог.

– Хорошо, – сдалась журналистка. – Попробуем через новостной канал «продать» вашу просьбу. Не каждый день приезжаете. Только учтите, – она подняла пальчик вверх, – сообщение будет носить чисто информационный характер. Там в двух словах расскажут, что вы приехали и сразу столкнулись с проблемами.

– Как скажете, – не совсем поняв, о чем речь, кивнул Никита.

Званцева еще задала ему с десятков вопросов, уточнила, когда они собираются ехать дальше, и ретировалась.

– Ну, надоедлива, как муха, – усаживаясь на сиденье, вздохнул Панкрат.

– Да не ругайся ты так, – успокоил его Никита Лукич. – Журналисты, они везде такие. В Америке тоже проходу не дают.

Дождавшись, когда в салон протиснется Агата, а мальчишки закроют двери, Панкрат развернулся к водителю:

– Ну чего, Фрол Алексеевич, поехали!

– С Богом! – выдохнул Никита Лукич. – А далече ехать-то?

– К вечеру дома будем, – успокоил его Панкрат. – У меня погостите, отдохнете, а дальше на поезде.

– Может, за это время и чемодан найдут? – подала голос Агата.

– Как думаешь, – спохватился Никита Лукич, – есть надежда, что найдется наша вещица?

– Бесплезное занятие, – махнул рукой Панкрат. – Это тебе не Америка. Здесь чемодан искать не станут. Люди пропадают тысячами...

– Неужто прямо тысячами? – недоверчиво переспросила Агата, испуганно прикрыв ладошкой рот.

– Мафия здесь, – со знанием дела сказал Панкрат и уставился в окно. – Руководители преступников покрывают.

– Как это? – не понял Никита Лукич. – Зачем же тогда такие руководители?

– А затем, чтобы хапать да простой народ обирать, – сказал Панкрат. – Годков пять назад наш брат сюда из Аргентины пожаловал. Тоже поповцы... Они на земли свои на Дальнем Востоке вертались. Сначала горы золотые обещали. А как приехали, так дали им делянки в брошенных деревнях, и на этом все. Но ведь ты нашего брата знаешь... Они все это время не покладая рук трудились. Постепенно наладилось хозяйство, пасеку большую построили и пчел развели. Как на ноги встали, решили натуральный продукт менять на солярку для техники, запчасти разные... Много чего для хозяйства надо. Сунулись они со своими продуктами на рынок, а им от ворот поворот. Продавайте, мол, за копейки и валите на все четыре стороны. Они справедливо сказали: мы растили, спины гнули, нам и распоряжаться добром этим. Ни в какую. Они к чиновникам местным. А те руками разводят – рынок, мол. Вы у себя в Аргентине тоже помощи просили? А какая там помощь нужна, если законы есть? – Панкрат пригладил бороду, собираясь с мыслями. – По себе знаю, не сладко. Кредит не получить, в залог дать банку нечего, поскольку землю в собственность не дают, а только в аренду, чтобы жилы потом тянуть. В общем, помыкались они здесь да решили обратно вернуться. Всем скопом в посольство Аргентины обратились. Сейчас визы ждут. Вот такие, брат, дела.

– Страшные вещи ты рассказываешь. – Никита Лукич призадумался.

– Правильно было бы написать заявление в полицию, так потом сам не рад будешь, – снова вернулся к начатой теме Панкрат. – Ехать надо, а тебя следователи разные тягать начнут... А чего ты так печешься об чемодане этом? Ну, украли, и Бог с ним! Чего теперь убиваться? Нового добра наживешь...

– Рушник не простой, – едва слышно сказал Никита.

* * *

Еще издали Матвей понял, что Мико все же сбежал.

– Что теперь? – подтащив Вахтанга к машине и открыв дверцу, спросил Матвей Дешина. – Надо было его хотя бы наручниками приковать.

– Кого приковать? – Вахтанг в очередной раз попытался вырваться. – Куда вы меня везти собрались? – Он развернулся и увидел Марту: – Так ты, женщина, все подстроила?

– Обойдемся без Мико. – Матвей втолкнул ничего не понимающего грузина на заднее сиденье и залез следом. С другой стороны с ним сел Дешин.

– Теперь куда? – Марта села за руль и завела машину.

– В лес, – лаконично ответил Матвей.

– Зачем в лес?! – в один голос почти крикнули Дешин и Вахтанг.

– Ты хочешь с ним в городе говорить? – удивился Матвей, глядя на полицейского, который, чтобы лучше видеть его из-за сидевшего между ними Вахтанга, наклонился вперед.

– А почему бы и нет? – удивился Дешин.

– Я постепенно его инвалидом буду делать, – чувствуя, как напрягся грузин, сказал Матвей. – Он же своим криком народ соберет.

– Рот можно заклеить, – принял правила игры Дешин. – К тому же я подвал один знаю...

– Какой подвал? – с досадой спросил Матвей. – Труп тяжелее из Москвы вывезти, чем живого терпилу.

– Что я вам сделал? – спросил, едва ворочая языком, Вахтанг.

– А ты не знаешь? – наслаждаясь тряской «хозяина жизни», спросил Матвей.

– Мальчики, давайте быстрее, кажется, в ресторане охрана волнуется. – С этими словами Марта стала сдавать назад.

– Объясните, что произошло? – не своим голосом завыл Вахтанг.

– Ты новый директор ресторана? – спросил его Дешин.

– Почему новый? – растерялся Вахтанг.

– Давай на перекрестке направо! – между тем сказал Матвей Марте.

– Вы объясните, что происходит?! – взмолился Вахтанг.

Матвею показалось, что Вахтанг действительно не понимает, зачем его везут, и вообще, ведет себя далеко не так, как человек, способный на преступления.

– Ты за долги ресторан у Мико забрал?

– Какой долг? Как забрал? Куда забрал? – переводя взгляд с Матвея на Дешина и обратно, затараторил грузин, наконец, заподозрив, в чем причина сложившейся ситуации. – Почему я должен у него забирать что-то, если у этого нахала ничего нет? Он уже который год сидит на мой горб. – Для наглядности Вахтанг пошлепал себя ладонью по шее. – То машину разбил: дядя, дай денег, то долг карточный нужно вернуть...

– Стой, Марта! – крикнул Матвей, наконец догадавшись, что грузин попросту хотел развести тещу на деньги...

Отправив Марту домой на метро и отпустив с извинениями Вахтанга, друзья снова отправились за город.

Еще издали Матвей увидел выезжавшую со двора дома машину тестя. Матвей вернул ему «БМВ» после поездки в Африку, результатом которой стало появление на его счете почти миллиона евро. Теперь на ней ездил Мико.

– Решил свалить, гаденыш, – процедил сквозь зубы Матвей и резко затормозил перед самым носом «БМВ». Толкнув дверцы, они на пару с Дешиним выскочили из машины. Сначала Мико хотел бежать. Он даже открыл дверцу и поставил на землю ногу, однако в последний момент понял, что это бесполезно, закрылся в машине.

– Выходи! – приказал Матвей в щель опущенного стекла.

Мико отчаянно замотал головой.

– Ты что, до приезда полиции там сидеть будешь? – нагнулся к щели Дешин. – Валить надо.

– Ты сам полицейский, зачем тебе куда-то валить? – спросил, глядя прямо перед собой, Мико.

– Я такой же полицейский, как ты Ленин, – переглянувшись с Матвеем, усмехнулся Дешин. – Выходи, решать будем, как дальше быть.

– Нас засветили, – перехватил инициативу разговора Матвей. – Мы хотели труп в пруду утопить, а там как раз кто-то отдыхал и полицию вызывал. С трудом ушли...

– Какой труп? – Лицо Мико вытянулось от удивления. – Вы что, дядя мой убили?

– При чем тут дядя? – продолжал играть свою роль Дешин. – Твоего земляка, который за долги кабак забрал...

– Думаешь, он сразу стал расписку писать? – Матвей вынул сложенный вчетверо листок, перепачканный кровью из слегка порезанного пальца. – Этот Вахтанг, пока мы ему все, кроме правой руки, не переломали, сопротивлялся. Твердил, что ресторан его, и все тут...

– Что? – Дверца с треском распахнулась, отбросив Дешина в сторону. – Вы дядю...

Грузин не договорил. Мощным апперкотом Матвей сомкнул ему челюсти. Бедняга оторвался от земли и рухнул на спину.

Матвей шагнул к нему и навис сверху:

– Раздевайся!

Но Мико лишь вращал вылезшими из орбит глазами и мычал что-то нечленораздельное.

– Что ты с ним сделал? – раздался голос Ирины.

– Ничего, – Матвей выпрямился. – Он упал от радости, что мы все проблемы за него решили. Кстати, а что он тебе сказал, когда машину забирал?

– Ничего, – пожала плечами Ирина. – А зачем ты его раздеться заставляешь?

– Просто хочу, чтобы он нагишом отсюда ушел, – признался Матвей.

– Пусть так валит, – отрешенно махнула она рукой и, развернувшись, направилась в дом.

– Почему ты не хочешь знать, что на самом деле произошло? – вдогонку спросил ее Матвей.

– Я уже догадалась, – не оборачиваясь, ответила Ирина.

Глядя вслед сторбившейся фигурке некогда обожаемой женщины, Матвей вдруг почувствовал смешанную с жалостью тоску. А ведь с ней он тоже был счастлив и каким-то странным образом сроднился. И не только общий ребенок их объединяет, а проведенные вместе годы...

– Куда теперь? – провожая взглядом уносящего ноги Мико, который своим видом напоминал побитую собаку, спросил Дешин.

– Надо заехать на Ярославский вокзал, – задумчиво сказал Матвей. – Билеты еще не купили...

– Все-таки решил на поезде? – догадался Дешин.

– Конечно, – кивнул Матвей. – На самолете быстро, но что увидишь? А здесь, – он мечтательно вздохнул – просторы! Люблю, лежа на верхней полке, тарашиться в окно.

– Забрось меня на работу, – с тоской в голосе попросил Дешин.

* * *

Сидя в кресле перед телевизором, Хвастун вприкуску с кальмаром пил прямо из горлышка пиво. С утра шел мелкий и нудный дождь. Настроение было сродни погоде. За завтраком дочь поставила перед фактом, что выходит замуж.

Хвастун взял лежавший рядом пульт и стал щелкать кнопками каналов.

Кривляющуюся под фонограмму звезду непонятого пола сменил мультфильм про смешиков, потом во весь экран возникла диктор новостного канала. Хвастун новостей не смотрел, интересуясь исключительно криминальной хроникой, поэтому большой палец левой руки уже лег на следующую кнопку, как правая рука с бутылкой замерла на половине пути ко рту.

– ...Постепенно в Россию стали возвращаться люди, чьи предки покинули родные края еще в начале прошлого века, – заговорила дикторша. Ее сменил крупный план второго терминала в Шереметьеве. Камера наехала на вход, и вот взору открылся знакомый микроавтобус, на фоне которого стояли обворованные Хвастуном и его командой старообрядцы.

– Интересно, уроды, вы уже в курсе, что ваш багаж слегка полегчал? – спросил, ни к кому не обращаясь, Хвастун.

Журналистка Званцева задала пару вопросов, которые касались дальнейшей жизни этих людей, и неожиданно заявила, что Берестов Никита Лукич хочет обратиться к зрителям с просьбой оказать помощь в поиске утраченного имущества.

Объектив камеры напоз на мужчину с рыжей бородой, увеличив его во весь экран.

– Говорите! – раздался за кадром голос Званцевой.

Мужчина стянул с головы картуз, с опаской посмотрел куда-то в сторону и, набрав полные легкие воздуха, заговорил:

– У нас два чемодана пропали... Хотим попросить, – мужчина передернул плечами, – вернуть бы это. Зачем оно вам?

– У вас, наверное, там были какие-то особенно дорогие сердцу вещи? – подсказала журналистка.

– Рушник! – спохватился мужчина и тут же поправился: – Полотенце, по-вашему... Вернее... В общем, вышивала его еще моя бабка, вернее, мать ее... Рисунок там незамысловатый, но много значит для нашей семьи. Мы зла на того, кто взял, не держим... Все, – он кивнул.

Камера вновь наехала на журналистку:

– Еще раз хочу попросить от имени семьи Берестовых вернуть пропажу. Никита Лукич гарантирует вознаграждение...

Журналистка еще что-то говорила, а Хвастун уже до мельчайших подробностей восстановил в голове картину того, как они потрошили чемоданы. Перед глазами возник Щербатый, бросивший на траву кусок грубой материи с непонятным вышитым рисунком.

– Надо же так облажаться, одна рухлядь, – прозвенели в голове его слова.

Хвастун встал. На пол полетел пакет с остатками кальмаров. Но он, пораженный собственным открытием, словно не видел ничего вокруг.

«Точно! – осенило Хвастуна. – Это же карта была! Как я сразу не додумался? Поэтому и ценного они с собой ничего не везли! Зачем? Предки здесь все припрятали!»

Перед глазами деляги встала голубая извилистая полоска.

– Река, – стал соображать вслух он. – Треугольник может быть горой или скалой... А черная линия вдоль голубой полосы? Дорога! – едва не закричал он и поставил на журнальный столик уже почти пустую бутылку.

На сборы ушло меньше пяти минут, и вот уже, перешагивая сразу через несколько ступенек, Хвастун летел по лестнице вниз. Оказавшись во дворе, достал трубку сотового телефона, трясушейся рукой набрал номер Щербатого и приложил к уху.

– Слушаю, – раздался на другом конце голос.

– Это я, – заговорщицки заговорил Хвастун. – Срочно всем звякни, сбор в девять на старом месте.

– Понял, – вздохнула трубка.

Как назло, дольше, чем положено, заводилась машина, а потом не выпускал со двора перегородивший дорогу грузовичок, из которого трое грузчиков, матерясь, сгружали огромный

холодильник. Дорога до Кольцевой Хвастуну показалась целой вечностью. Пролетев Химки, он не сразу заметил у обочины полицейскую машину. Лишь когда гаишник показал на него жезлом, а потом, очертив полукруг, ткнул его кончиком рядом с собой, Хвастун зарычал от досады. Ну как же, первый раз за год сел за руль после пива, и на тебе...

Взяв себя в руки, он включил правый поворот и стал прижиматься к обочине.

Неожиданно милиционер, словно передумав, махнул ему жезлом, давая понять, чтобы он проезжал, а сам устремился наперерез тонированному джипу.

– Пронесло, – выдохнул Хвастун, глядя в зеркало заднего вида на удаляющегося милиционера. – Еще один хороший знак!

Место, где они потрошили чемоданы, он нашел сразу. Злополучное полотенце лежало, повиснув на ветках небольшого куста. Вокруг разбросанные вещи.

Бережно, словно ребенка, он взял на руки этот набухший влагой кусок материи и, затаив дыхание, развернул к свету.

Так и есть, небольшая то ли речка, то ли ручей, вдоль которого тянется дорога, скала либо гора, а за ней озеро, напоминающее сверху штаны.

Он развернул полотенце. Внизу старославянскими буквами было вышито:

«Далее Зосима и Савватий хранят...»

Разглядывая замысловатые знаки, вышитые вдоль другой кромки полотенца, Хвастун задумался.

«Что все это значит? Может, действительно, уезжая на чужбину, староверы зарыли свои богатства? С другой стороны, не похоже, чтобы набожные люди богатства такие имели, которые меня заинтересовать могут, – размышлял он. – Скорее всего, рухлядь какая-нибудь в виде старинных книг или икон. Они, конечно, денег стоят, но не таких, чтобы из-за них все бросить и заняться староверами».

Еще немного поковырявшись в своих мозгах, Хвастун решил на всякий случай съездить к знакомому скупщику краденого. Таких людей, которым можно при случае что-то сдать, он знал не меньше двух десятков. Большинство из них покупало все, что можно было продать дороже. Шубы, телевизоры, часы, элементы интерьера, украшения, телефоны... Лишь бы вещь имела товарный вид. Но была среди этой пестрой базарной толпы и своего рода интеллигенция – коллекционеры. Одни занимались монетами, другие марками, кто-то иконами или картинами... Были и такие, что не брезговали ничем. Хоть подсвечник из сусального золота, хоть старинная книга. Объединяла их не только маниакальная привязанность к предметам своего вожделения, но и знание всего, что с ними связано. К таким относился сравнительно молодой москвич по имени Боря. Фамилии Хвастун не знал, равно как и то, чем этот Боря в действительности занимается. Но то, что разбирался он во всяких исторических тонкостях, точно. Люди всякое возят. Особенно пик на разные исторические штучки пришелся в начало девяностых. Когда трещала по швам великая страна и началась большая миграция народов. Много тогда ехало людей из республик Средней Азии. Люди бежали из объятаго войной Таджикистана, Молдовы, вмиг озлобившейся Прибалтики... Бросали годами нажитое добро, брали с собой лишь деньги да семейные реликвии. Хвастун с тоской вспоминал времена, когда милиции словно не было, а ему удавалось за день «подрезать» до десятка разных багажных мест. Работал он тогда один, и сдавать краденое приходилось самому. Позже обязанность эту он свалил на Щербину. Но цепкая память Хвастуна держала в голове не только адреса нужных людей, но и телефоны. Бережно свернув полотенце, он направился к машине.

* * *

После утренней молитвы с Панкратом и детьми Никита Лукич вышел во двор. Хозяйство у Панкрата было большое, как и семья. Пять коров, свиньи, индюки, куры... Полно живности

всякой. На полях, что остались от развалившегося колхоза, убрал бурьян, выкорчевал деревья, которые успели там вырасти, и посеял пшеницу с гречихой. Хочет пчел развести... Работает не покладая рук, а помогают ему дети да такие же, как он, старообрядцы, которые живут по соседству. Всего пять дворов обжили, а уже фору любому фермерскому хозяйству в округе дают...

Было раннее утро. В просторном дворе стоял небольшой трактор «Беларусь» и «УАЗ», под капотом которого возился Фрол.

– Бог помощь! – Никита Лукич подошел и встал рядом. – Что случилось?

– Год как ремонт двигателя делал. – Фрол выпрямился, взял тряпку и стал вытирать руки. – А он снова масло стал потреблять больше положенного и дымит, гадюка.

– А гарантию тебе давали? – спросил Никита.

– Кто же мне ее даст? – удивился Фрол.

– Неужели у вас автосервисы не отвечают за свою работу? – нахмурился Никита.

– Вона ты о чем, – улыбнулся в усы Фрол. – Так ведь сам я все делал, вот этими самыми руками...

– Да ну?! – не поверил Никита, однако тут же отругал себя за нехорошие мысли. С чего Фролу врать-то? Аль не грех это?

– Сами все делаем, – между тем повторил Фрол. – Давеча видел «Форд», на котором я за твоим семейством в аэропорт приезжал? На нем двигатель хороший, знай себе в чистоте содержи да масло меняй. А с нашими машинами возиться надо много. Но и к дорогам нашим они приучены больше. Я их все знаю. Что случись, любую поломку устраню, да и запчасти дешевле. А вот «Форд» в дороге встанет – беда!

– Что, Фрол Алексеевич уму-разуму поучает? – раздался голос Панкрата.

Никита обернулся. Хозяин дома бесшумно подошел и встал рядом.

– Говорит, все сам делает, даже машину чинит, – похвалил Никита. – А у нас чуть что, в мастерские едешь.

– Фрол Алексеевич у нас ученый, все умеет, – хитро подмигнул Панкрат.

– Почему зря хвалишь? – Фрол смутился, словно девица, и закрыл крышку капота.

– Правда, теперь с нами мало знается, – продолжал подтрунивать Панкрат. – Совсем как мирской стал. Телевизор завел, кина смотрит...

– Будет тебе! – сильнее нахмурился Фрол. – Погоду смотрю, а так, – махнул он рукой, – зараза там одна...

– Потом молишься? – прищурился Панкрат.

– А как же, грех ведь! – часто закивал Фрол.

– Дети в школе учатся? – спросил Никита Панкрата.

– Как же сейчас без этого? – удивился Панкрат. – Дочь, Настя, седьмой класс заканчивает.

– У нас тоже в школу ходили, – кивнул Никита.

– Девчонкам по школе послабление было али как? – осторожно спросил Панкрат.

– Платки не носили, на физкультуру штаны можно, – на секунду задумавшись, ответил Никита.

– Везде так, – вздохнул Панкрат. – А как надумал назад вертаться?

– Так приезжали, агитировали, – усмехнулся Никита.

– Кто?

– С правительства, – пожал плечами Никита и улыбнулся, вспомнив трех непутевых мужчин и женщину.

– Чего – так уж и с правительства? – не поверил Панкрат.

– Ну, с министерства, – поправился Никита. – Миграционного...

– И что, вот так вот сказали: приезжайте, мол, земли дадим, с кредитами поможем? – допытывался Панкрат.

– А как же? – удивился Никита. – По-другому никак. У меня ведь там и дом, и хозяйство справное было. Дети учились.

– Брежут они все, – махнул рукой Панкрат. – На самом деле одни обещания и останутся.

– Так ведь не первый я. Много старообрядцев уже в Сибири, – с удивлением напомнил Никита. – Аль не помнишь?

– Помню, – кивнул Панкрат. – Все равно, министерские эти только обещают. Приедешь, увидишь, точно туго нашему брату в твоей Сибири. Оно и здесь не легче, только свыклись мы уже...

– Да шут с ними, проживем как-нибудь, – махнул рукой Никита.

– Ты давеча про рушник сказал, – сменил тему разговора Панкрат. – Будто без него тебе никак нельзя.

– Почему нельзя? – Никита стал трепать бороду. – Можно. Только с ним нужно.

– Какой там секрет? – осторожно спросил Панкрат.

– Ты икону видел, которую я вчера на киот поставил? – Никита испытующе посмотрел в глаза родственника.

– Конечно, видел, – подтвердил тот, стараясь не показывать любопытства. – Соловецкие чудотворцы Зосима и Савватий...

– В заднюю стенку два клина вставлены, – оглядевшись по сторонам, словно их кто-то мог подслушать, заговорил Никита вкрадчивым голосом. – Там секрет один...

– Что за секрет? – допытывался Панкрат.

– Там знания, где искать сокровища, которые прадед спрятал...

– Откель же у него сокровища взялись? – недоверчиво спросил Панкрат.

– Не его это, – поспешил успокоить его Никита. – Банда там одна хозяйничала. В тайге жили. Вот их добро. Надо все государству вернуть. Ведь теперь, никак, снова Россия.

– Россия, да не та, – задумчиво вздохнул Панкрат. – Как бы беды больше с этого добра не вышло. Может, оно и лучше, что чемодан украли?

– Лучше не лучше, а дед перед смертью просил, – цокнул языком Никита. – Нехорошо будет, если не сделаю, как велел...

* * *

Матвей надавил на кнопку брелока включения сигнализации. Джип устало щелкнул замками и на прощание мигнул фарами. Круто развернувшись, Матвей прошел между рядами уже уснувших машин, проскочил под поднятым шлагбаумом и оказался на дороге. Город уже жил своей ночной жизнью. По залитой светом фонарей и переливающейся рекламными огнями улице, отдохавшей после напряженного дня, проносились редкие автомобили. По тротуарам сновали стайки подростков, прогуливались самых разных возрастов пары. У ограждения входа в метро громко смеялась молодежь.

Матвей не пошел к переходу, а направился напрямик через улицу. Неожиданно боковым зрением он заметил шевеление в стоявшем у тротуара автомобиле. У «Ситроена» были выключены фары, но в салоне находились несколько человек. По мере приближения к нему росло напряжение. У Матвея была хорошо развита интуиция. Сейчас он был уверен, ждали его появления. Кто они? Матвей быстро перебрал все возможные варианты. Кому он переходил дорогу? По делу преступной группы Посредника, которая не без его помощи была нейтрализована полицией, еще все сидят... Алмазное дело – умерли... Стоп! Чего он голову ломает? Ну конечно, кто как не обожаемый Мико решил взять реванш! И не сидится же негодяю! Уже и дядя пообещал ему шею намылить, так нет... Интересно, что задумал грузин и как узнал адрес? Убивать его не будут. Ведь полминуты назад у этих людей была возможность расправиться с ним легко и надежно. Сбить на пустынном шоссе одиноко идущего человека плевое дело.

Нужно только хорошенько разогнаться, а под самый конец слегка крутануть руль. Делов-то... «Погоди! – ступая на тротуар, чертыхнулся он. – Марта!» Матвей поднял взгляд на окна. Свет не горел. Исключено, что в доме бандиты. Звонил, едва заглушив двигатель. Марта накрыла на стол и ждала. Открыть двери посторонним она не могла. Он приучил ее заглядывать в экран домофона...

«Может, все-таки не ко мне?» – подумал он, сворачивая в проезд под домом.

Звук шагов, эхом отлетая от стен, рассыпался по асфальту, подобно невидимым металлическим шарикам. Матвей неожиданно различил, что к его топоту прибавились еще чьи-то шаги.

«Значит, не ошибся», – усмехнулся он про себя и тут же услышал позади оклик:

– Слышь, постой, дядя!

Последние сомнения развеялись.

Матвей не собирался подчиняться. Не потому, что испугался, просто, если надо, догонят. Да и драться не горел желанием. Нет, отправить экипаж «Ситроена» на больничные койки не составит труда. Просто не любил почем зря ломать людям жизнь и менять внешность, справедливо полагая, что лучший бой – это тот, которого удалось избежать.

Шаги приближались. Вот он уже слышит тяжелое дыхание.

– Глухой, что ли? – вновь раздался голос.

Матвей как раз миновал проезд и оказался во дворе. Здесь было намного светлее.

– Стой! – рявкнули уже над ухом.

Матвей понял по голосу, что парень примерно одного с ним роста и хочет обогнать его справа. Он шагнул назад и влево, а согнутой в локте правой рукой двинул в район лица забияки. Раздался звук выпавшего на асфальт металлического предмета. Это был либо обрезок трубы, либо монтировка. Значит, церемониться с ним не собирались. Парень между тем схватился за лицо и замычал. Матвей взял его за запястье левой руки и провел несложный рычаг. Раздался хруст выворачиваемых суставов и рвущихся связок. Вопль разорвал тишину двора. Едва он успел отпустить бандита, как боковым зрением заметил бросившуюся сбоку тень. Полшага назад – и удар кулаком туда, где должна быть носогубная складка. Лязг зубов, вскрик. Смотреть, что с человеком, некогда. По логике вещей, сейчас будет нападение со спины. Матвей снова сделал шаг в сторону и развернулся, почти мгновенно его рука описала дугу. Сдавленный вскрик и звук упавшего на асфальт тела красноречиво говорили сами за себя, и этот парень обездвижен ударом в кадык. Двор наполнился криками, стонами и отрывистыми гортанными звуками последнего нападавшего. От удара у него началась рвота.

Оглядываясь по сторонам, Матвей отступил к стене. Нападавших было всего трое. Он отчетливо видел их. Значит, один в машине. Матвей подскочил к парню, которого обработал первым. Он лежал на боку, тихо скуля и прижимая к себе, словно ребенка, поврежденную руку.

– Кто вас послал?

– Ты мне руку сломал! – простонал парень.

Матвей сделал вывод, что он русский. Говорил без малейшего намека на какой-либо акцент.

Он схватил парня за запястье и рванул на себя.

– Ах! – рявкнул тот.

– Повторяю вопрос...

– Грузин какой-то, он в машине...

– Что сказал сделать?

– Хорошо наваять, чтобы ты ходить как минимум месяц не смог, – процедил парень сквозь стиснутые зубы.

– Что обещал? – держа в поле зрения силуэты всех нападавших, продолжал задавать вопросы Матвей.

- Пять тонн, – выдавил парень.
- Баксов? – не поверил своим ушам Матвей.
- Рублей, – процедил сквозь зубы парень.
- Вы что, тимуровцы? – удивился Матвей.
- Какие еще тимуровцы? – не понял парень.
- Ах да, извини, совсем забыл. – Матвей повеселел.

Откуда этой пародии на человека знать историю? Он и понятия не имеет, что когда-то были пионеры, которые оказывали престарелым и инвалидам безвозмездную помощь. Наверняка перед ним наркоманы, которые за дозу готовы хоть на край света.

Матвей достал портмоне, развернул его к свету:

– Дам вам в два раза больше и сразу. Задача та же, только теперь сделайте это в отношении него. Сможете? Или уже все, запал кончился?

– Я его порву, – поднимаясь на ноги, простонал получивший в кадык парень...

Матвей едва надавил на кнопку звонка, как дверь открылась.

– Что с тобой? – насторожился Матвей, разглядывая Марту.

Она была бледная и выглядела испуганной.

– С того момента, как ты позвонил со стоянки, прошло уже полчаса. Я уже не знала, что думать.

– Что со мной может случиться? – Он обнял ее одной рукой за талию и поцеловал в губы.

– У меня этот Мико не выходит из головы, – направляясь в зал, заговорила Марта. – Он ведь даже дядю своего не побоялся подставить. Мало ли...

– Теперь ему долго будет не до мести, – заверил он ее, вспоминая, как грузин вышел навстречу своим побитым наемникам, в надежде услышать рассказ о том, как они ломали кости его закоренелому врагу. Били его парни долго и со знанием дела. Потом, не говоря ни слова, ушли. Матвей не стал подходить к стонущему грузину, а сразу направился домой. Парней Мико нанял у выхода из метро, где они «сшибали» на дозу. Просто подъехал и спросил, нет ли желания развлечься. Они согласились. Развлеклись... Матвея поразило, с какой легкостью, в буквальном смысле слова за копейки, парни решились, по сути, сделать совершенно незнакомого человека инвалидом. Куда страна катится?

– Ты билеты купил? – едва Матвей вышел из ванной, спросила Марта.

– В «СВ». – Вытирая волосы накинутым на шею полотенцем, Матвей вошел в гостиную. – Послезавтра едем. В пути почти четверо суток.

* * *

Как Хвастун и предполагал, Боря не стал откладывать встречу в долгий ящик, а предложил ему заехать прямо на работу. Как и многие винтики и болтики криминальной России девяностых, Боря легализовал часть своих доходов и преспокойно владел сетью небольших сувенирных лавок и парой хозяйственных магазинчиков. Так называемый головной офис бывшего скупщика краденого располагался в подсобном помещении магазина «Тысяча мелочей» недалеко от Комсомольской площади.

– Тебя, как меня, к вокзалам тянет, – намекая на близость железнодорожного узла, констатировал Хвастун, когда они оказались в тесной комнатенке с единственным оконцем под самым потолком. Устроенные вдоль стен полки были завалены самым разным товаром. Самовары, матрешки, резные разделочные доски, глиняная посуда, расписные палехские шкапулки...

С последней встречи Боря сильно изменился. И не только внешне. Из сухонького почти наполовину облысевшего неврастеника он превратился во вполне упитанного мужчину. Округ-

лились и порозовели щеки, появился выпирающий животик, а движения стали медленнее и увереннее.

Протиснувшись к стоявшему у самой стены столу, Боря показал рукой на стул, а сам уселся в огромное офисное кресло, в котором тотчас утонул.

– Я смотрю, ты поправился, – сложив ладони лодочкой и приставив указательные пальцы к нижней губе, задумчиво констатировал он, глядя на Хвастуна.

– Да и ты не хвораешь, как погляжу, – кладя руку на стол, парировал Хвастун. – Даже потолстел...

– Так спокойнее стало, – признался Боря и ностальгически вздохнул. – Даже скучно...

– Чего, адреналину не хватает? – прищурился Хвастун.

– Да не то чтобы не хватает, драйва нет, запала, – глядя в глаза Хвастуну, посетовал Боря. – Ты обо мне чего вспомнил?

– Дело у меня к тебе одно есть. – Хвастун бросил взгляд на дверь и положил перед Борей завернутый в пластиковый пакет рушник. – Глянь.

– Знаю, не принято, – осторожно разворачивая кусок материи, заговорил Боря, – но так и подмывает спросить: где взял эту ветошь?

– Почему ветошь? – машинально спросил Хвастун.

– Старая тряпка... Возможно, использовали как полотенце, – разложив на столе рушник, стал перечислять Боря. – Рисунок... Хм... – Он наклонился, не глядя выдвинул из стола ящик, взял лупу и стал рассматривать витиеватый узор вдоль кромки. – Ручная работа. Скорее конец восемнадцатого, начало девятнадцатого... Хотя нет, судя по всему, позже. Льняная.

– Что скажешь? – сгорая от нетерпения, спросил Хвастун.

– Зосима и Савватий вторую часть ее хранят, – прошептал про себя Боря и поднял на него взгляд: – А что ты хочешь от меня услышать? – Он пожал плечами. – Зачем тебе эта тряпка?

– Ты можешь сказать, что там написано? – Хвастун показал взглядом на рушник.

– Надпись сделана на старославянском. – Боря вновь стал рассматривать буквы через лупу. – Причем часть текста зашифрована, но этот способ сокрытия смысла мне известен. Любой студент разгадает...

– Все хотел тебя спросить, откуда ты все знаешь? – прищурился Хвастун.

– Ну, допустим, не все, а ровно столько, сколько положено знать кандидату исторических наук...

– Чего? – ошарашенный известием, недоверчиво протянул Хвастун. – Ты кандидат наук?

Пришла очередь удивляться Боре:

– Обидеть меня хочешь?

– Да нет, – спохватился Хвастун, вдруг проникнувшись уважением к этому ботанику. – Просто не верится, как у людей судьбы могут меняться.

– Не говори, – вновь начав изучать рисунки, согласился Боря. – До восемьдесят девятого я читал лекции, ездил со студентами на раскопки...

– А потом?

– Потом, на раскопках под Астраханью, пропала часть ценностей... Получил два года... – Он вздохнул. – Отсидел, вышел в другую страну. Пришлось приспособливаться...

– Дела-а... – протянул Хвастун.

– В общем, как я понял, это часть какой-то карты, которая указывает... – Он наклонился ниже: – «Где добро хранится, у злодеев отобранное царским указом».

– А какое добро, не написано? – стараясь не выдать своего волнения, спросил Хвастун.

– Нет, – пожал плечами Боря.

– Ну а что Зосим с этим сватом? – Хвастун подался вперед. – Ты же сам сказал.

– Зосима и Савватий вторую часть ее хранят, – повторил Боря.

– И где мне их искать? – расстроился Хвастун.

- Это соловецкие чудотворцы, – едва заметно улыбнулся Боря. – Умерли оба давно.
- Так что, вторая часть в могилах? – попытался угадать Хвастун.
- Не знаю, – признался Боря. – Возможно. Хотя, – вскинул он на него взгляд, – они канонизированы.
- И что? – часто заморгал Хвастун.
- Значит, на иконах есть, – пояснил Боря. – Так что, может, то, что ты ищешь, в один из образов и спрятано...

- Ну, что скажете? – закончив свой рассказ, спросил Хвастун.
- Ты уверен, что там правда сокровища? – Переглянувшись с Белкой, Щербатый вновь уставился на Хвастуна.
- Нет, – признался Хвастун. – А вдруг?
- Вдруг не считается, – цокнул языком Гвоздь. – Эти староверы куда едут хоть?
- Узнать не сложно, – пожал плечами Хвастун. – Журналистка дала номер телефона, по которому можно позвонить о находке. Я его запомнил. А там дело техники.
- Для них ценной вещью все что угодно может быть, – не унимался Клим.
- Не скажи, – возразил Щербатый.
- Их в аэропорту машина встречала с кировскими номерами, – задумчиво сказал Хвастун.
- Мне бы твою память, – с завистью вздохнул Гвоздь.
- Моей памяти у тебя отродясь не будет, – зло глядя на верзилу, заговорил Хвастун. – Откуда ей взяться в отравленных с самого детства водкой и наркотиками мозгах?
- Почему сразу отравленных? – напыжился Гвоздь.
- Да от тебя даже сейчас разит за километр, – не выдержал Хвастун и заехал Гвоздю ладонью в правую половину головы. Слетев с перевернутого вверх дном ящика, тот упал на пол. – Сказал, жрать, только когда я скажу!
- Я случайно. – Морщась и потирая ушибленное ухо, Гвоздь встал на колени, потом сел.
- Поступим следующим образом, – принял решение Хвастун. – Клим, ты как самый головастый, делаешь точную копию рушника.
- Я шить не умею, – испуганно округлил глаза Клим.
- Дурак, – расстроился Хвастун. – На бумаге нарисуешь. И не один раз. Все в точности.
- Можно ксерокопии сделать, – неожиданно блеснул эрудицией Гвоздь. Он уже перестал морщиться и тереть щеку. Ухо стало малиновым.
- Где ты такой ксерокс найдешь? – с досадой спросил его Хвастун и продолжил: – Белла, поедешь к журналистке и отдашь рушник. Заодно подробно выспроси, когда и на чем староверы едут...
- И куда, – вставил Клим.
- Это само собой, – кивнул Хвастун. – Я пока попробую разузнать по номеру машины владельца.

Глава 3

Двое суток, проведенных в деревне, не прошли даром. Никита Лукич пообвыкся, стал понимать значение многих слов. Российские старообрядцы сильно отличались говором и послаблениями. В Америке, находясь в стороне от развития России, старообрядцы сумели сохранить свою самобытность. Здесь же и говор совсем другой. Никита был поражен наличием в деревне старообрядческого радио. Но еще больше его удивил старенький компьютер, который стоял в одной из комнат дома Панкрата Миленовича. Накрытый сверху тряпкой, он включался строго в определенное время – вечером, перед ужином и до молитвы. Нельзя сказать, что Никита Лукич не знал и никогда не видел этого устройства. Однако чтобы он был в доме старообрядцев, и в мыслях допустить не мог.

– Ты не пугайся так, – успокаивал его Панкрат, пока старший сын включал дьявольскую игрушку. – Мы на мирские сайты не заходим. У нас свой есть. Там рассказывают о последних наших новостях, молитвы печатают... Много чего. – Он махнул рукой. – Вот смотри. – Панкрат ткнул в светившийся экран пальцем. – Это температура воздуха на сегодня, а это на завтра. Видишь, солнышко? Ясно будет. Удобна вещь.

– Хорошо, вижу, – кивал Никита Лукич, отводя взгляд в сторону.

– Ладно, пойдем, – заметив, что не по себе гостю, подтолкнул к выходу Панкрат.

Они вышли во двор, уселись на скамейку.

– Красиво, – глядя на закат, вздохнул Никита Лукич. – Странное дело, вот не был здесь никогда, да и до тех мест, где корни наши, еще несколько дней ехать надо, а мило все здесь душе... Запах родной, воздух особый.

До обеда сходили в церковь, объехали поля. Панкрат показал хозяйство. В своих рассказах о планах он то и дело возвращался к проблемам, которые повсюду преследуют здесь людей, решивших заниматься натуральным хозяйством. Все они в основном упирались в неповоротливость и жадность чиновничьего аппарата. Постепенно старообрядцы привыкли к перипетиям. Здесь их было много, держались друг друга, помогали.

– Тебя послушаешь, так кажется, что чиновники эти не люди вовсе, а бестии хвостатые, – качал головой Никита.

– Хуже! – махнул рукой Панкрат. – Те хоть молитвы бояться, а этих ничто не страшит. Вот, например, мы мед, картошку и другие овощи попытались в городе продавать. Сунулись на один рынок, нам от ворот поворот, на другой – то же самое. Собрались, порешили, что свой магазин открывать будем. И что ты думаешь? – Он упер руки в колени и, склонив голову набок, уставился в ожидании ответа на Никиту.

– А что я думаю? – растерялся тот.

– Не дали. Столько бумаг собрали почем зря. И место присмотрели, и дом, будь здоров. Ан нет, и все. Два месяца Прокл Кузьмич по кабинетам таскался.

– Кто таков? – не понял Никита.

– Да свояк мой. – Панкрат показал взглядом куда-то на забор. – Грамотный. Тут к нам перекупщики зачастили. У кого дети малые, сам понимаешь, деньги нужны. В школу, опять же, надо наряжать. Стали люди потихоньку им продавать, кто картошку, кто луку... Ну а Прокл в Москву поехал. Нашел там людей толковых, опять же из наших... Теперича туда все отправляем. И платят справно. Так теперь здесь беда. Заклевали. То подворье проверяют, то птиц бить приходят, вроде как грипп птичий. Такие, брат, дела, – подвел он итог сказанному.

– Не сладко вам, – расстроился Никита.

– А может, ты здесь останешься? – неожиданно предложил Панкрат.

– Нет, – замотал головой Никита. – Не могу я, когда людей много. Даже своих. Ты посмотри, мои дети даже не понимали сначала, что твои говорят. А баба? – Он махнул рукой. –

Мы не так воспитаны. Я вот после школы своих ставил поклоны отбивать. Гршили – будьте добры у Бога прощенье с усердием просить. А у тебя компьютер и радио. – Он сокрушенно вздохнул. – Ты давеча Фрола подначивал, что он, мол, почти мирской. А сам почище его будешь...

– Ты, я вижу, осерчал на меня? – расстроился Панкрат. – Не обижайся. Не можем мы сейчас уже по-другому.

– А если и там, куда я еду, так же, что тогда? – спросил Никита Панкрата и замер в ожидании ответа.

– Не бойся, – похлопал тот его по спине. – В Ульях до прошлого года даже света не было.

Откель там компьютерам взяться? Но телефонами пользуются.

– Телефон – вещь необходимая, – согласился с ним Никита. – Он и у меня есть...

– А может, пока семейство свое у нас оставишь? – неожиданно предложил Панкрат.

– Почему?

– Так не знаешь, куда едешь, – усмехнулся Панкрат.

– Как это, без жены, без детей? – удивился Никита.

– Обживешься – заберешь, – пожал плечами Панкрат.

– Нет, – протянул Никита. – Баба, она как ниточка за иглолочкой – где муж, там жена.

Детишки опять же...

– Ну, смотри. – Панкрат встал. – До утра еще есть время подумать.

– Папа! – окликнула с крыльца Панкрата дочь Прасковья и показала трубку сотового телефона: – Вас спрашивают...

– Наверное, Игнат снова из твоей басурмании, – шутливо подмигнул Никите Панкрат, беря из рук дочери трубку. – Слушает Панкрат... И вам не хворать... Хорошо... А как же? – Лицо его вдруг сделалось серьезным. – Обязательно передам. Тута вон сидит... Завтра выезжает... Поезд, запоминайте, «Москва – Владивосток», за номером двести двадцать, вагон седьмой... Места укажет проводник, поезд-то проходящий, – со знанием дела добавил он и отключился.

– Кто звонил? – Никита поднялся с лавки и ловко расправил большими пальцами под поясом рубаху.

– Ни за что не догадаешься, – улыбнулся в усы Панкрат. – Журналистка, помнишь, обещала по телевизору тебя показать с твоей просьбой?

– Так показала ведь, – напомнил Никита Лукич, своими глазами смотревший передачу. – Никак, отозвался кто?

– Отозвались, – подтвердил Панкрат. – Передадут твой рушник с пассажиром вагона, в котором едешь. Человека еного звать Сергеем, фамилия Самохвалов...

* * *

Поезд «Москва – Владивосток» подавался почти за час до отправления, поэтому сутолоки на перроне не было. Народ постепенно заполнял вагоны. Одни, уже переодевшись, вернулись на перрон, чтобы покурить, другие, закрывшись в купе от посторонних глаз, потихоньку «разминались» перед дальней дорогой пивом, кто-то знакомился.

Матвей забросил под полку свой баул, взял сумку Марты.

– Мне надо еще отсюда кое-какие вещи забрать и продукты, – почти повисла она на руке.

Матвей вернулся в коридор. Вагон «СВ», мест всего ничего, поэтому даже при посадке здесь трудно кому-то помешать. На соседний путь прибыл поезд из Новосибирска. Он еще не остановился, а проводники уже открыли двери. Неожиданно в одном из проплывающих мимо тамбуров Матвей увидел до боли знакомое лицо:

«Рык?»

Еще не веря своим глазам, он устремился к выходу. Выскочив на перрон, слегка подвинул попавшегося навстречу мужчину и устремился вслед за вагоном. Дорогу преградили двое крепкого телосложения парней. Оба одеты не для путешествий. Ко всему и не по погоде. Мощные плечи одного обтягивала легкая ветровка, другой был в пиджаке. Всматриваясь в лица пассажиров, они явно кого-то ждали. Матвей про себя отметил, что парни прячут под одеждой оружие.

«Опера», – сделал он вывод, обходя их.

Поезд встал. Не сводя взгляда с белокурой проводницы, за спиной которой он увидел бывшего сослуживца, Матвей перешел на бег. Он не обознался. Сергей Рыкунов помогал какой-то женщине вытащить из вагона сумку.

Матвей протиснулся через толпу и тронул его за плечо:

– Привет!

Рык слегка повернул голову:

– Каким ветром?

– Противоположным. – Матвей дождался, когда друг поставит сумку, и увлек его в сторону. – Ты откуда?

– Домой ездил. – Рык оглядел Матвея. – Хорошо выглядишь. Судя по твоему виду, ты куда-то собрался прокатиться?

– Угадал. – Матвей показал на свой поезд. – На Байкал.

– Уважаю, – одобряюще кивнул Рык. – Море банально. Надо поближе к настоящей природе.

– Места там закачаешься, – согласился Матвей. – Ты как?

– Нормально, – небрежно глянув на толкнувшую его тетку, ответил Рык.

Неожиданно на плечо друга легла рука. Рык обернулся. Рядом стоял невысокий мужчина. Его внешность, как и у тех двоих, встретившихся Матвеем на перроне, указывала на принадлежность ее обладателя к силовым структурам.

– Извините, – увидев лицо, попросил прощения незнакомец. – Обознался.

– Бывает, – улыбнулся Рык.

– Ловят кого-то, – глядя вслед незнакомцу, констатировал Матвей. – Мне два опера попались.

Поговорив еще минуту, друзья распрощались.

Матвей вошел в вагон и двинулся по проходу. Встреча с Рыковым навеяла ностальгическую тоску по службе.

Он взялся за ручку и дернул двери. Откатившись ровно настолько, что образовалась щель шириной размером со спичечный коробок, она с грохотом врезалась стопором в стенку вагона.

– Марта, – позвал он, – сними защелку!

Однако в следующий момент он вдруг отчетливо различил, как кто-то прикрикнул:

– Тише!

Оглядевшись по сторонам, Матвей заглянул в образовавшуюся щель в купе. Каково же было его удивление, когда он увидел профиль бритого наголо мужчины.

Стало ясно: пока он ходил, этот громила проник в купе и сейчас что-то хочет от Марты.

– Двери откройте! – потребовал Матвей.

– Ты кто? – раздался голос.

Матвей отчетливо разобрал, что он принадлежит не лысому. Значит, в купе двое. Что делать? Ключи от замков, которыми пользуются проводники, не помогут. При защелках они бессильны.

Между тем поезд едва заметно дернулся. Матвей увидел в отражении пластика медленно поплывшие фермы.

– Мужчина, – раздался голос проводницы, – займите свое место.

- Сейчас, – заверил ее Матвей, соображая, как поступить.
- Слышь, мужик, шел бы ты...
- Что? – задыхаясь от бессилия, спросил он. – Вы, часом, с купе не ошиблись?
- Это муж мой! – крикнула Марта.
- Кто он? – громким шепотом спросил лысый.
- В смысле? – не поняла она.
- Матвей весь превратился в слух.
- Работает кем?
- Безработный...
- Открой, пусть войдет, – раздался голос.

Матвей увидел, как лысый протянул к двери руку. Одновременно он вдруг вспомнил встретившихся на перроне сотрудников. Неужели это и есть те люди, ради которых они работали здесь? Судя по тому, сколько их было, ждали они не поездных шулеров...

Решение созрело мгновенно. Можно сказать, просто включилась заранее заложенная программа. Ведь в свое время в спецназе они с утра до вечера прорабатывали самые невероятные развития событий, каждое из которых записывалось и укладывалось в определенную ячейку. Большинство из них в жизни не пригодится. А может, наоборот. Например, как сейчас. Если в купе бандиты, которые решили переждать облаву, они попытаются любыми путями избежать шума и могут действовать по двум сценариям: либо договориться помолчать определенное время, угрожая в противном случае сделать плохо оставшейся наедине с ними Марте, либо втащить пассажира в купе и нейтрализовать.

Дверь с грохотом откатилась в сторону. Они выбрали второй вариант. Заранее зная, что сейчас ему попытаются придать ускорение, он присел и шагнул вперед. Стоявший у дверей громила попросту загреб пятерней воздух в том месте, где мгновение назад была шея Матвея. У него не получилось схватить пассажира и рвануть на себя. Все, время потеряно... Контроль над пассажиром не установлен. В следующий момент кулак Матвея врезался в пах гроmile. Раздался вскрик. Мужчина сложился, врезавшись в плечо стоявшего на одном колене Матвея. Лысый за этот миг, продолжая удерживать Марту за руку, успел лишь слегка, на какой-то градус, повернуть голову. В следующий момент Матвей выпрямился, схватил двумя руками голову бандита, рванул на себя и двинул согнутой в колене ногой в висок. Сваливая лысого на пол, Матвей сделал шаг назад и ударом локтя в основание черепа второго бандита поставил точку в этой скоротечной схватке.

- Что здесь происходит? – раздался сзади голос проводницы.
- Вызывайте полицию, – проверяя карманы лежащих на полу бандитов, выдохнул Матвей. – Они все объяснят...

* * *

Заскочив в купе, Хвастун торопливо сунул вещи под нижнюю полку и устремился назад. Коридор был забит людьми. С коробками, сумками, волоча за собой детей, пассажиры забивались в вагон. Обливаясь потом, Хвастун стал протискиваться к выходу. С его габаритами это было тяжело сделать.

– Куда прешь?! – кричал раскрасневшийся от жары и напряжения парень в кепке-бейсболке, пропихивая впереди себя огромный рюкзак. Хвастун шагнул, уступая дорогу, в чужое купе и случайно толкнул плечом стоявшую на нижних полках женщину. Она охнула и полетела на столик. На голову Хвастуна обрушилась сумка. Хрустнули позвонки, а из глаз брызнули искры.

- И куда прешь? – морщась, запричитала женщина.
- Извините. – Хвастун схватил упавший на пол баул и уложил на полку. – Я помогу...

– Вы поможете, если уйдете, – потирая ушибленную спину, простионала она.

– Я не хотел, – пробормотал он, возвращаясь в коридор.

Кляня себя за то, что не купил билет в «СВ», где народу меньше не только из-за мест, но и из-за непомерной для многих стоимости проезда, Хвастун в конце концов все же выбрался на перрон. Завидев его, Белла поправила ремешок висевшей на плече сумочки и подошла к стоявшей рядом с вагоном проводнице.

– Извините, пожалуйста. – Белла стрельнула в сторону Хвастуна глазками. – Не могли бы вы передать это пассажирам, которые сядут в Кирове?

С этими словами она протянула проводнице перетянутый скотчем сверток.

– Еще чего! – заупрямилась та. – Я что, почта? И так дел по горло. Да и не положено. Может, у вас тут бомба?

– Да какая бомба? – рассмеялась Белла. – Полотенце здесь.

– Мы полотенце выдаем, – сухо отрезала проводница и взяла протянутый ей пассажиром билет.

– Ну, пожалуйста, – захныкала Белла. – Это старообрядцы. Они точно в вашем вагоне поедут...

– Отойдите, девушка, не мешайте работать, – глядя в билет, сказала проводница.

– Гражданин, может, вы возьмете? – обратилась она к парню, у которого в этот момент проверяли билет.

– Он до Кирова выходит, – со злорадством ответила проводница, возвращая парню билет.

– А вы? – Беллочка устремила свой взор на Хвастуна.

– Что я? – сделал вид, будто не слышал разговор, Хвастун.

– Сможете передать посылку человеку, который сядет в этот вагон завтра утром? – умоляющим голосом спросила она.

– Зачем мне это надо? – хмыкнул Хвастун, одновременно выискивая взглядом в толпе Щербатого и Гвоздя.

– Пожалуйста, я заплачу, – умоляющим голосом просила между тем Белла.

– Сколько? – не глядя на нее, спросил Хвастун.

– А сколько надо?

– Смотря, что ты передаешь, – увидев у соседнего вагона Клим, сказал он.

– Полотенце старое, – устало сообщила Белла.

– Зачем? – сделал вид, будто удивился, Хвастун.

– Это бабушки его...

– Чьей бабушки? – Хвастун повеселел.

– Того, кому передать надо. – Белла вконец растерялась. Ведь договорились заранее, как отказывается проводник, она пытается вынудить передать Берестовым полотенце первого попавшегося пассажира, а потом появится Хвастун и сам возьмется выполнить просьбу. На деле ей совсем не по сценарию приходится его уговаривать. Белла ровным счетом ничего не понимала. Тем более изначально все пошло не так, как хотелось. Журналистка наотрез отказалась заниматься полотенцем сама, ссылаясь на занятость. Она сообщила лишь номер сотового телефона встретившего старообрядцев родственника. Связавшись с ним, Белла узнала, что Берестов Никита Лукич купил для всей семьи билеты на проходящий поезд «Москва – Владивосток» в восьмой купейный вагон. Поедет до Тайшета. Кто бы сомневался, что после этого Хвастун на пару с Климом станут их попутчиками? С их связями это не проблема.

Однако жизнь начала преподносить сюрпризы чаще, чем к этому привык Хвастун. Когда дело дошло до распределения ролей в написанном по его сценарию новом криминальном спектакле, выяснилось, что Щербатого и Гвоздя за совершение преступления объявили в розыск. Оpoznал обоих терпила, которого они на вокзале развели на сороковник... Немного поразмыслив, Хвастун все же решил оставить их в команде по принципу – коней на переправе не

меняют. Оба были проверены – не одно дело с ним провернули. Брать за сутки до отъезда новых – опасно.

Прижимая сверток рукой, Хвастун вернулся в вагон. До отправления оставались считанные минуты. Толчея прекратилась. В проходе стояла женщина, которую он случайно столкнул на пол. Глядя в окно, она говорила по телефону.

Неожиданно Хвастун решил перед ней извиниться. Ехать долго, мало ли? Стоя у титана, он дождался, когда она уберет трубку, и подошел ближе:

– Вы на меня не обижаетесь?

Женщина посмотрела на Хвастуна:

– Это вы? А за что?

– Еще раз простите. – Он виновато вздохнул.

Двери в другом конце вагона открылись, и в проход вошли двое крепких парней в штатском. У Хвастуна заныло под ложечкой. Он был достаточно тертым калачом, чтобы не догадаться, кто сейчас направляется в его сторону. Хвастун вцепился в поручень и уставился в окно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.